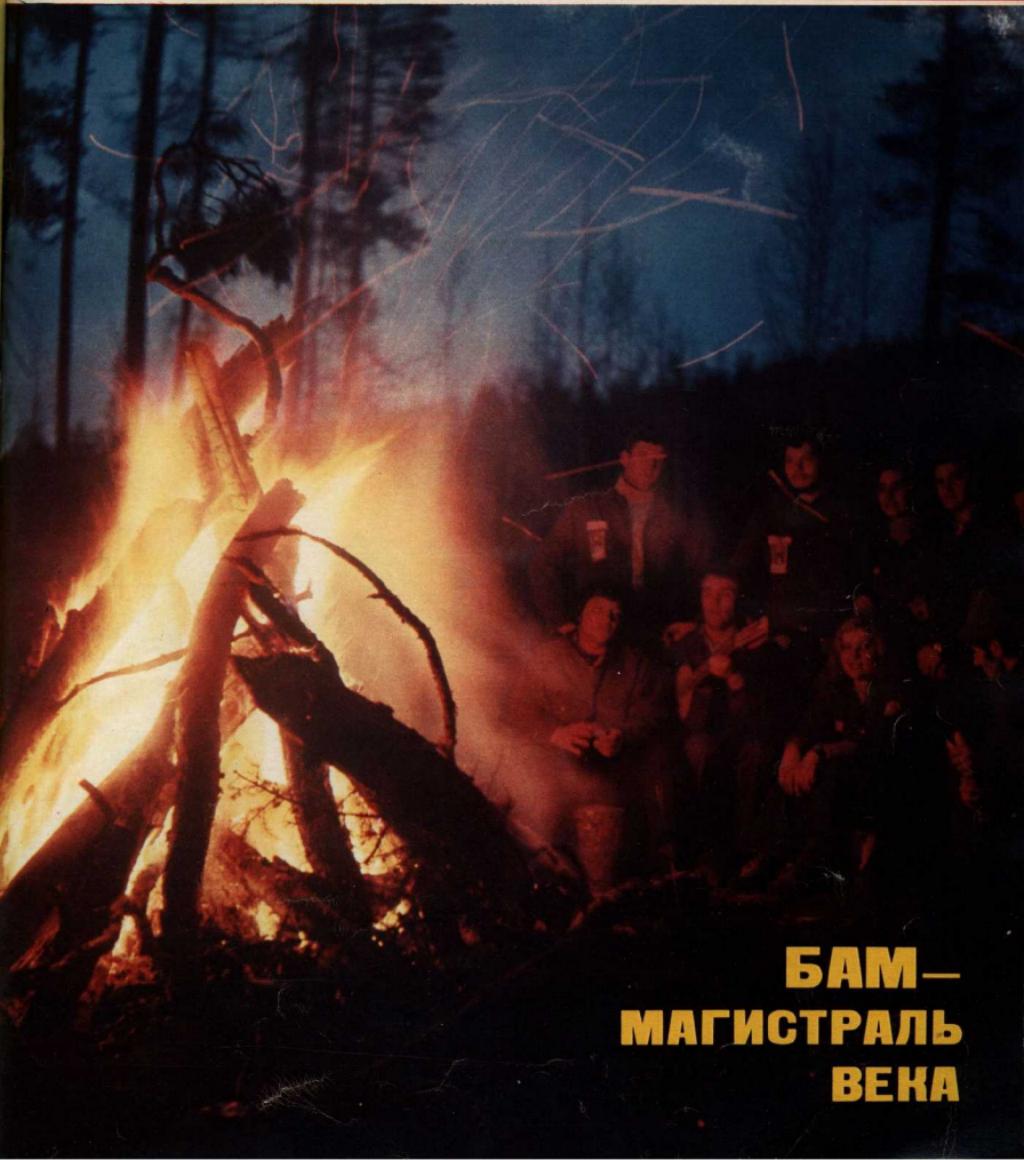

смена

№ 14 Июль 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**БАМ—
МАГИСТРАЛЬ
ВЕКА**

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
Коммунистический
Союз Молодежи

«Совершенствование
организацию про-
дения Ленинского за-
чета. Добиваться
чтобы в нем уча-
ствовали все члены
ВЛКСМ, помогать им
в разработке и осу-
ществлении личных
комплексных планов
«Учиться коммуни-
сту».

Из резолюции
XVII съезда ВЛКСМ

ИДЕТ КОМСОМОЛЬСКОЕ
СОБРАНИЕ.

Фото
Мирослава МУРАЗО

РАЗВИВАЯ И СОВЕРШЕНСТВУЯ

Борис ЗЕЛЕНКОВ,
старший
научный сотрудник
ВИШ при ЦК ВЛКСМ,
кандидат философских наук

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 14 [1132]
ИЮЛЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
ГЛАЮРСКИЙ ДЕСАНТ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

РЕПОРТАЖ С БАЙКАЛО-
АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ
НА СТРАНИЦАХ 4-11.

разинаюсь, с большим интересом прочитал статью Владимира Глотова «Движение к цели» (№ 21, 1973 года), поскольку с самого рождения Ленинского зачета мне пришлось принимать непосредственное участие в разработке его «процедур», «техники дела» и практически превратить ее в жизнь в Германской комсомольской организации. И сегодня моя научная деятельность связана с анализом практики Ленинского зачета. Адmittede, что я не один из первых, кто предложил идеи дальнейшего развития и совершенствования. Вот почему мне представляется полезным продолжить начатую «Сменой» разговор о методе, которое занимает в структуре Ленинского зачета так называемая «техника дела».

Действительно ли на сессиях в Ташкенте вынырнули для подводки к организации и проведению Ленинского зачета — творческий и формальный? Отчасти да, но, думается, если говорить о «болезни роста», то причиной ее другие, и улучшение «процедур зачета», «техники дела» — это лишь одна из ее симптомов, и, может быть, далеко не главная. И не всегда интерес к «технике дела» является интересом к изучению эффективных методов и приемов работы является следствием формализма. Часто этого интерес порождается сущностью и особенностями Ленинского зачета, ставшего основой всей системы коммунистического воспитания молодежи. Ленинский зачет сегодня — это органическое единство идеально-политической и организационно-практической деятельности комсомольских организаций и осуществления ленинского завета «Учитесь коммунизму». Смысл этого завета для современного поколения молодежи с предельной ясностью изложен в речи Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Брежнева на торжественном венчании, посвященном 50-летию комсомола. Проводимый в настоящее время Ленинский зачет «Решение XXIV съезда КПСС в Ленинске» — как было подчеркнуто на XVIII съезде ВЛКСМ, — «помогает лесисты создавать волны мастерства и единства». А в чем же практическая участия в коммунистическом спорте, в выполнении решений партийного съезда, дойти в политической работе до каждого комсомольца. Это программа воспитания всесторонне развитых людей, обладающих высокой профессиональной подготовкой, специальными знаниями, широкой общей культурой, общестремленными сознанием, внутренней зрелостью.

Мне думается, что именно сложность тех воспитательных задач, которые решает сегодня Ленинский зачет, и породила такой интерес к процедуре зачета, то есть к формальной, на первый взгляд, стороне дела.

Представим себя на месте комсомольского работника в реальной ситуации. На нас надвигаются личные комплексные планы «Учится коммунизму». Дело это новое, непривычное в практике комсомольской работы. Каким образом этот комсомольский работник должен помочь превратить их в жизнь?

Возьмем для примера комсомольскую организацию Горьковского автозавода, в которой тысячи юношей и девушек разного возраста, имеющие неодинаковую профессиональную и специальную подготовку, различные образовательные уровни. Все согласятся: здесь нужен дифференцированный подход к каждому участнику зачета. Может ли при этом секретарь открыться на собственную подготовку? Может ли и должен. Но это не исключает, что, наоборот, секретарь не имеет права на разрыв с подчиненными, не имеет права на специализацию в распространении инструкций. Их назначение — обеспечить работу по организации и составлению личных комплексных планов «Учится коммунизму». Но это не отрицает и творческого подхода к их использованию, ибо самые явные обоснованные рекомендации не могут учсть всех особенностей той или иной организации. Методические указания спешу не искалючат, а, наоборот, предполагают разнообразие приемов и средств их воплощения, и вместе с тем они являются необходимой основой соблюдения единства в понимании и осуществлении основных, главных целей зачета.

Мы говорили о личных комплексных планах. Другим важнейшим звеном Ленинского зачета является общественно-политическая аттестация. Вспоминается встреча с комсомольской активностью Ярославского горкома зачета. Разговор о личных комплексных планах. Потом заслушав борьбу большинства комсомольских активистов высказались «за глубину и содержательность бесед во время аттестации, против галочки с трехзначными разговорами, за деловую обстановку этих встреч, контактов между комиссиями и родовыми комсомольцами и т. д.». Но как осуществить все это практически? Ведь в организации около 8 тысяч комсомольцев. Нужно создать комиссии. Кого в них включить? Каковы функции комиссий? Как организовать их работу? Как составлять график встреч членов комиссий с комсомольцами? Все это так называемые «процедурные вопросы», от правильной постановки которых зависит успех всего зачета. Итак, мы видим, что организационная сторона зачета играет существенную роль в осуществлении воспитательного воздействия на каждого из его участников. Например, социологические исследования отмечают, что оценка Ленинского зачета гораздо выше у тех комсомольцев, у кого имеются личные комплексные планы, и в тех организациях, где ими охвачено большинство. Поэтому расскладывать по полочкам.

15

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
ТАЙНА — ЭТО Я.
Беседа с доктором
медицинских наук
профессором
И. Д. КАРЦЕВЫМ.

18
ПОЕЗД ИДЕТ
ПО РАСПИСАНИЮ.
К 30-летию Дня
возрождения Польши.

28

НАЧАЛО.
СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО.
Монолог актрисы цирка
Терезы ДУРОВОЙ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК
О БРИГАДЕ ВИКТОРА КИАЕВА

ШИКОТАН — РЫБНЫЙ ОСТРОВ

НАУКА: ГЕМАТОЛОГИЯ. КРОВЬ ЛЮДСКАЯ...

ЗА РЕКОЙ БЕНХАЙ.
РЕПОРТАЖ ИЗ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ
ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абзин, А. П. Купешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбников, Г. В. Семёнов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашянц

Технический редактор Н. И. Будина

что в практике организации Ленинского зачета первостепенное, а что второстепенное... — дело бесполезное, ибо проведение зачета требует самого пристального и сердечного внимания ко всем его сторонам. И корень за счетом в том, что комсомольские активисты «зазывают» себя в фокусе деятельности, тратят огромные физические усилия на уход за процедурой зачета, а не на саму работу. А в итоге что грешат в размахе и излишне организованной работы во многих комсомольских организациях не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к ней особенностям Ленинского зачета.

Да, многие секретари на семинаре в Ташкенте говорили о «технике, механизме проведения Ленинского зачета». И их можно понять, поскольку организационная сторона является существенной в деятельности любой рабочей группы — вовлекать юношей и девушек в Ленинскую аттестацию интереснее и, что главное, создает отпечаток на нем. А в итоге что грешат в размахе и излишне организованной работы во многих комсомольских организациях не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к ней особенностям Ленинского зачета.

Да, многие секретари на семинаре говорили о «технике, механизме проведения Ленинского зачета». И их можно понять, поскольку организационная сторона является существенной в деятельности любой рабочей группы — вовлекать юношей и девушек в Ленинскую аттестацию интереснее и, что главное, создает отпечаток на нем. А в итоге что грешат в размахе и излишне организованной работы во многих комсомольских организациях не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к ней особенностям Ленинского зачета.

Мы говорим об организационной обеспеченности Ленинского зачета. А как это выражено конкретно, на практике? В некоторых комсомольских организациях есть специальная группа активистов, которая несет полную ответственность за проведение зачета. Количество ее членов может быть различным в зависимости от численности организации. Одни отвечают за составление различных планов и их осуществление, другие — за проведение общественно-политической аттестации, третьи — за проведение Ленинских уроков. Возможны и другие варианты. Но в этом суть. Важно иметь постоянно действующую группу организаторов Ленинского зачета. Из каких состоят группы? Комсомольская группа организаторов зачета, библиотечная рабочая группа...

Но как оценить, измерить результаты деятельности этой группы, а значит, и итоги зачета? Нужно согласиться с тем очевидным фактом, что любой комсомольский активист сейчас озабочен поиском показателей развития личности. И потому совершенно понятен дух интереса участников семинара в Ташкенте и работе аспиранта ВКП(б) ЦК ВАКСМ Бориса Усманова. Обратимся же и мы к «системе показателей активности участников Ленинского зачета», которую разрабатывают и проверяют в настоящее время методики и другие научные сотрудники ВКП(б) ЦК ВАКСМ. В этой «системе» действительно сдвигаются (ауксилии, шире — в практике комсомольской работы) соединяясь воедино количественные и качественные характеристики деятельности комсомольской группы в целом.

Мы с вами приступаем к общественно-политической аттестации... Молодой человек уверенно и четко рассказывает о выполнении личного комплексного плана «Учиться коммунизму». Внимательные и занятворесованные лица членов аттестационной комиссии. Комсомолец выполняет задание по аттестации («фокус в бригаде»), передовой производственной группы по общественной работе. Член комиссии старается выявить не формальное участие (наличие поучений) в общественной работе, его отношение к своему поручению. «Все ли комсомольцы нашего коллектива сделали нормы комплекса ГТО?» — задает вопрос один из членов комиссии. «Мне трудно сказать...» — отвечает юноша. В ходе аттестации выясняется, что он не совсем серьезно относится к общественному поручению, не проявляет настойчивости и твердости в организации спортивной работы в коллективе. Формально этот молодой человек — активист, а фактически он пассивен.

Именно на этом истинном положении дела, и акцентирует внимание «система», которая позволяет затронуть первые все многообразие фактов из языка математики. Хотя бытует еще мнение среди некоторой части людей, будто понимать измерять эффективность воспитательного процесса при помощи математических методов — это прозрение формализма, чуть ли не «усреднение» личности, «сглаживание» индивидуальности.

Измерение фактического вклада каждого в общее дело — землемеры времени, и определяет цену ее для общества. А статистика просто невозможна. В. И. Ленин в своем заре Советской власти настоятельно рекомендовал «нести статистику в массы, попытаться разпространить ее, чтобы трудающиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдахать... Статистика выступает одним из элементов научного управления воспитательным процессом и средством коммунистического воспитания».

Все комсомольские активисты сочли необходимость выразительного отождествления к цифрам применение статистических методов для изучения комсомольской работы. Но кто же делает, что не все. Некоторые комсомольские группы не отдавались еще от временной привычки «брать цифры с потолка», не вдавались в конкретный анализ повседневной деятельности комсомольских организаций. Подобные отчеты дезориентируют вышестоящие органы, создают препятствия для получения объективной информации, и тем самым снижают эффективность применения наиболее оптимальных и действенных рычагов воспитания личности. Отчеты должны быть зеркалом нашей работы с людьми, а не ширмой, скрывающей недостатки в воспитании молодежи. И потому внешняя статистика комсомольской работы предполагает обязательные методы статистического и социологического анализа, то есть умение обобщать, анализировать, объяснять цифры, факты, выделять связи, давать практические рекомендации.

Сейчас мы находимся впереди, в привлечении ученых для задач разнообразными молодежными проблемами. Но это только подделка. Внедрение науки в практику комсомольской работы выдвигает и перед самими комсомольскими работниками задачу овладения как навыками проведения исследования, так и умением с научных, марксистских позиций систематизировать полученные данные.

Алексей ЗАУРИХ

Шагать по знакомым следам, по годам.
Болезненно не тянуться собою, попутчиком
не тянуться своим и верить:
откроется там, где-то там, за улицей этой, за этой избушкой все то,
чего я от себя же там.
В нас — кроме пристрастия к созвучьям, к перу,
к экрану и сцене, к бумажному драме,
имеется страсть к житейским большое пристрастие

и спирту, к топору:
путь слово «кочку»
соответствует — «буду»,
все пополам.
И там,
где лежит, изумленно-светла,
рассыпана
там, счастья рассыпанная нега! —
мигновения в годы своих облекают
ты смокиши,
...танец дела.
Вот поле и скосы.
Вершина и небо.
Дороги промерзенной жесткая
нитя.

...Ты речь о неудахах завела,
о тех, что горше горя, злее мачех.
Пусть не весьма прекрасно, но дела
идут — и все. К чему ж о неудахах?
Не умер — слава богу! — прежний
мы, и выметнала даль предельно ясно,
и ежели я ввыспренне любил,
я б мог сказать, что все идет
прекрасно.

Все — кто в чести и кто в опале —
сходились в спорах горюча,
а звезды резко простили на небесах...
А где же еще!

Вдоль ст. рядов к пятну экрана
шли люди тихо, на искаках,
а полеве спева, как и спраха,
нагубки зерна в колосках.
Страниц газетных скрипта нива
в дыму табачном и в чаду,
а ум река отомнила
и свищут малычики на льду!

Звезда на тонкой ниточке свисает,
а время убывает, ускользает,
с листка перетекает на листок.
По проводам

морозный ходят ток.
Несущийся тем, и ясность мысли,
и даль, не призывающая конца.
Погон во мгле
на млечном коромысле,
как две бадьи —
два синих озерца.
Как радостно в подлунном мире,
росно, немыслимой исполнены красы!..

В колосьях ржи
нешумный шорох роста —
гак трутдас по песочным часам.
А чем же я!...

О величии! О бездне!
О полночи с шатающейся тьмой!
А может быть, о бесглесте
от жесткой повседневности самой!
Ни в коем разе...

Вновь вздохнуло эхо
видами, —
натись по ложному лучу.

Поют апрельские леса

и вновь смытые — труд напрасен!

Распесанный день, распыльчат мир,
он вроде сам себе не ясен.

Не то чтоб там склонять с ума,
забыться в первобытном крике —
живет естественность сама
в расцветкой неразберихи.

И странно думашь о том,
что вот строку рука выводит,
и лягок свет, и тиха твой дом,
а рельсы стонут, смерк воят!

И ты стираешь по счастью
из пыльной, мятой, милой ранью —
а беспечный час весны —
судьба реальной высветилась грязью.

Вот пур отчаянnyй прохажек
сурьей мрак, оконный никней.
Вот твой бледный корешок
прополз средь прочих в ленте синей.

— Прости меня! Прощай! —
Впервые это
беззвучно

милой юности кричу.
А что прощать!
Ну ежели б — отвага,
пусть бессрасудство...

...я вдаль гляжу — с поступками,
бывало,
не ладим чудесные слова.
И с перевалом нашего видно:
не кто-нибудь — ты сам всему виной.

Октябрьский донщик. Жизнь.
Иной отсчет. И спуск умной,
Что проще — на груди рвануть
рубаху!..

Стократ трудней, изумчев дух и плот,
оставив боли — и боя и страхи —
стражу,

жизнь переплавить и перемолоть.
И это иные, видимо, хотят:
очнуться, думу свою во мгле
о говорах и бескомпромиссно
о службе человека на земле.

Проверю тетради: запятые и точки,
Запятые и точки, двоеточья, тире.
Фиолетово плюшут бесконечные

строчки,
Бесконечные строчки, как дороги
к тебе.

Я сама совершила так много ошибок
По законам дорог, по законам души.
Не глядеть бы в глаза твои,
как поляны, большие...

Как ты там, пересемешин, о себе
расскажи.

Ставлю я занятые, надо точку
поставить.

Где-то надо кончать, где-то начинать
кончать.

Твои добрые руки очень скоро
устанут

Моя трудные письма на ладонях
напечатать.

Проверю тетради: запятые и точки,
Запятые и точки, двоеточья, тире.
Так насмешливо плюшут бесконечные
строчки,

Бесконечные строчки, как дороги
к тебе.

Николай ГЛАЗКОВ

Наглядный пример

Говорил убийца сестре своей:
— Слушай меня, вина не пей!
Не мечтай о пачке сигарет,
Днем и ночью помни мой запрет!

Он красноречиво говорил,
Доводами разумом гремел,
Только сам и пил он и курил —
И наглядный подавал пример!

— Убий (якут). — старший брат.

Как неприметна перемена
Всегда все те же синева,
Еще по-летнему надменна
Отжелевшая листва,

Но небо сделалось пустынней,
И жестче дальний ветерок,
И солнце, за ночь постынув,
Все ярче греет мой порог.

На дне лесов скопилась горечь —
Настой осины и оси.

Что взорвали?

О чём поспорили?

И как охмелиться спросить!

Вся в дымном пламени заката,
С кипучими обрывистыми связями,

Шумы, тревожка и крылаты,
С гроздовым молодость сиялась,

Всё старые почваки покорна,
Ушла дорогой вековой...

И стало тихо и покойно

Средь первых звезд над головой.

Мое признанье — ждать тебя,
когда бы ни пришло.
Мое признанье — ждать тебя,
встречать, сажать за стол.
Чтоб свежий хлеб был на столе,
чтоб не остыл очаг.
А остальное не земле
все — на твоих плечах.

Завидую воде в твоем стакане
И на твоем столе караидашу,
И книгам, и пластинкам, пус Полкану,
Самой себе, что о тебе пишу.
Апрельским лучом, весенним
Ливням...

Завидую, душой не покривив,

Той женщине, которая любит,

Самой себе, что я тебя люблю.

Николай ГЛАЗКОВ

Апрель

О весне написано немало,
Вновь пишу о солнечной весне.
Чувствую ее у сосен алых
И в ручьях, смывающих весь снег.
Небо смотрит радужно-радушно,
Не ворчит притихшая метель —
И звенит, как нужно, добродушно
Клавишами радости капель.

Оживила сонная природа,
Веселилась теплая погода,
Улыбается для нас апрель!

Пускай нам живописец незнаком,
Он требует отхода историкного
И вспоминки рабочего.
Картиной неизвестного художника.
Он числится в музее, как и тот,
Который славен именем и отчеством,
Его изобразительных работ
Никто не назовет народным

Творчеством.

Николай НОВИКОВ

Оркестр — старинная игрушка.
Журнал кларинеты в цветущем.
Труба, как бронзовая пушка,
Тяжелым извергает гром.

Все наяву, а вроде — в шутку.
И музыка не просит слов.
Но как трубач с натужнукой,
Аполлонически багров!

Флейтист кривится от усердья,
А на губах — как будто смех.
И директор незримой сетью
Накрыл и дергает их всех.

Оркестр — старинная забава.
Этот шир и юмор.
Труба как бронзовая слава —
Апофеоз бытых побед.

Моложе мы, словно старше;
Смешны нам вкусы стариков.
Но отчего так любви нации,
И гулкий шаг, и звон подков!

И, видно, веские причины.
У этой странной есть любовь:
Невольно распрыгаем спины
И пламенье чувствуем в крови.

Дом напротив

Дом напротив — как кино.
Сладки, проводы и ссоры.
И не спешу разговоры —
Вину их в свое окно.

Руки в стороны и вверх.
Раз, два три! — пенсионеры
Спешно принимают меры,
Чтоб год продлит свой век.

За окною дочь-подросток
Хлещет спины, лица, ветки.
Ходит девушка, как в клетке,
В тесной комнатке своей.

В кухне что-то доказать
Тщится кто-то и кому-то.
Сразу видно, что зануда.
Вот замолкнет доседлив.

Ну какой еще резон
Слушать всяческие бредни!
Этот чертов доседлив
Заслоняет горизонт.

Ведь за всякой ерундой,
Ежедневной и несносной!—
Горы, небо, ветер, сосны,
Родники с живой водой!

Все чаще застыает взгляд,
моя глаза не понимают
Что это сено наступает.

Мелеет сад, мелеет сад,
Ведь ты, рожденный тышиной,
Ты не услышишь шорох листьев,
Шагов осенних, мягких, лысых.

Мелеет сад, мелеет сад,
Забыв про звуки, пропав,
забыв о встречах, вновь ушедших,
Мой сад забычивый,

он шепчет.

Мой сад...
А может, он иначе!!
Он вновь появился, меня
и в его саду не слышу,

Становится он глуше, тише,
прозрачней, голубее дна.
Но от него мне не уйти.

Запутал поманью линий...
И холос осенних линий...
Идут дощди, идут дощди.
И эта призрачная просьба!..

Ты к серым окнам подойди:
Как все немы обещана,
идут дощди, идут дощди.

Когда автор неизвестен...

А поговорю, сказочный сюжет,
Который чрезвычайно занимателен,
В который я влюблен.
Должны назвать прозой и поэт
Трудами неизвестного писателя!..
Талантливо творил во все века
Коллега наш, неутомимый прадедник,
На главных площадах наеверника
Ему давно пора поставить памятник!..

Кемь — Соловки

А волна по синусам
Капиты студеных,
И видны на горизонте
Острова зеленые.

Корни

От скрытой жизни набухают почки,
Шагает солнце по пустым полям.
Какая сила скрыта в этой складной почве

С каменистыми и пылью пополам!

Опять грозой не кончились
предгорье,
Опять томится и пылает земля...
Канва сила напинает грозьбы,
Выращивает соусы как скале!

Они торчат, икры и непокорны,
Над пропастью, над ревом непогод,
И у людей здесь вырастают корни —
Такие,
что железо не берет!

Рисунки Михаила ПАПКОВА

таюрский десант

Экспедиция «Смены» - БАМ

Сергей СМОРОДКИН.
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

**НАКАЗ
КОМСОМОЛЬСКОГО
СЪЕЗДА**

«Сооружение этой железной дороги — дело части Ленинского комсомола, всей советской молодежи, продолжение славных традиций первостроителей ДнепроГЭСа и Магнитки, покорителей целины, Ангари и Енисея».

Из Резолюции XVII съезда ВЛКСМ.

«Говорят, что для историков важно точно изложить факты. В расчете на то, что вы не историки, я вам сообщаю сам, моя родная, что сегодня, 27 апреля 1974 года, в 23.00 по московскому времени с Ярославского вокзала Москвы на восток уходит специальный эшелон № 14. В эшелоне — Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Ребята из Москвы и Ленинграда, из Краснодара и Ставрополя, из многих областей РСФСР едут строить БАМ — Байкало-Амурскую магистраль. Еду вместе с ними, Цеплюю, Баняя.

Такое короткое письмо ушло в тот артельский вечер в деревню Водолая, Зубцовского района, Мордовской АССР, от бойца ударного отряда Ивана Арефьева. Короткий миг, и эшелон, покинувший станцию в 23.00, трогается в путь. Эшелон идет постыдно, через всю страну. Идет под макиным небом, под ледяным облакным небом Урала, под прозрачным чистым небом Сибири. Эшелон идет на восток к берегам двух великих рек — Лены и Амура.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БАМ

— Вы чью избушку ищете? — спросил меня парень в белой, белинеющей шапке, налезавшей на глаза — Верхноторовский? Так их нету, белые птицы ушли. Может, к вечеру прибегут. А может, и заночуют в тайге...

Я стоял, раздумывая, что делать. Парнишка смотрел на мои ноги, обутые в ботинки. Термометр показывал с утра минус сорок три.

Пойдемте со мной, — предложил парень. — Погреться...

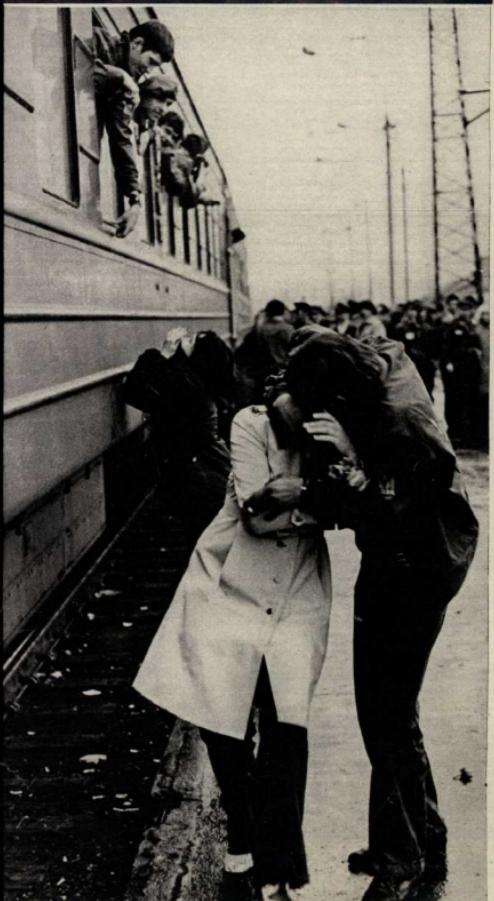
Так я познакомился с Юрием Нечипуренко — сыном охотника из восточносибирского поселка Чара. Мы шли вдоль рубленых из лиственницы изб. Зимнее солнце слепило глаза. Горы за спиной казались близкими и очень синими. Собаки-лаики провожали нас без конца. Собаки-лаики — это никакие особы, и люди без скотинки ружьем за плечами рабах не интересуют. Мы шли длинной улицей, и до самого дома Нечипуренко никто не поспешил нам навстречу.

— Мама у вас людей в селе?

— Немного. Да и суббота нынче. Все в такне да на реке. Я тоже ще рыбку ловить да вас встретил.

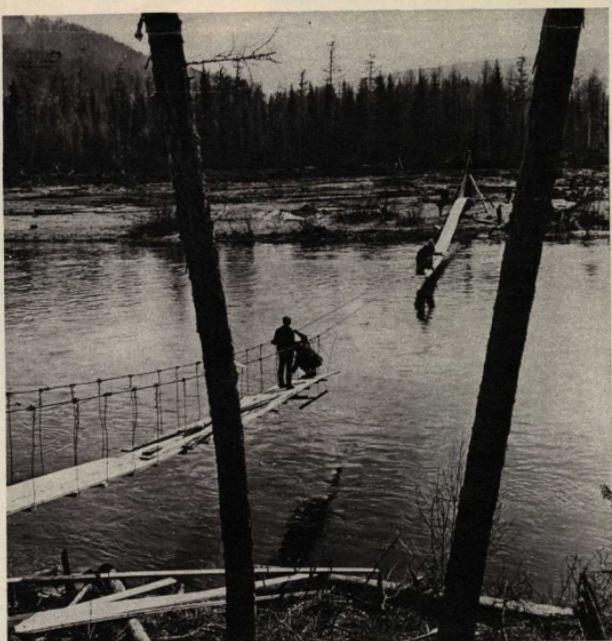
**ДЛИНА БАНКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ — 3 144 КИЛОМЕТР.
РАСТОЯНИЕ НА НИХ — ПО ТАНДЕМЕ.**

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

БАМ НАЧИНАЕТСЯ
С ПРОСЕКИ.

ОТО ТОЖЕ УДАР
НЫЙ ОБЪЕКТ: СТРО
ЛОВАЯ ПОСЕЛКА
«ЗВЕЗДНЫЙ».

Пришли в дом, Юра сразу захлопнул у большой печки, разжигая дрова, а я рассматривал в горнице все предметы по порядку: крепкие стулья, низкий широкий стол, потемневший от времени шкаф с посудой, блестящий будильник «Молния» и реклама с картинами, на которых было изображено поморское село с кижицами и лодка с полукруглой рукоятью.

Юра действовал по дому уверенно и молчком. Уже ровно и ярко горели смолистые дрова, умыв запах чайники, на которых поморская каша с кипятком, молоко в горнице и тарелки с морозным салом, а Юра достав из фильтрованной кухни кипяток с кружевными беловатыми пленками газомии, посыпанными молоком из бутылки с сосной.

— Сколько штук газомии? — спросил я, чтобы затянуть разговор. Юра подумал, пошевелил губами.

— Одинако двадцать второй сегодня, — сказал он, — а не третий. Ещё что?

— Для братца ваши, для Серени.

Впрочем слушают. Придет со службы, и пес уже больной.

Юра кладет щенка обратно в ящик, наряжает кухню, вытирает руки, смыкает.

У Серени короткая собачья болезнь, — три горячих суток — асс равногор, но свежак. С чужими собаками подразилась в соседнем селе и пропала. Горячо.

Юра наливает в рукоятиной воды из деревянной кадки, не спеша моет руки, смыкает, прислоняет к стене, сует светильник краинками вензелями.

Сядимся за стол. Юра, прижав к груди кашу, вытирает его ровными толстыми ломтями.

— А ты соболья мясо ешь?

— Да нет. Батя не брал еще меня с собой на соболя. В этом году обещал... Следы не раз видел. Знаете, как на снегу следы сидят? Сидят, падали в следы передних точно ставят. Ноготок и ноготок. Ни где не черната, ни темна. Коготок — коготок. Но не как у соболя. Нет-нет да где-нибудь привяжут задними ногами

снег покроют.

— Откуда же следы читать?

— И отец. И в школе тоже. У нас в школе скотоделивение учат. Надо без собаки не ходить и не ходить сумасшедши на дверь живой поймать; костер разжечь по-сибирски, чтобы если ночь горяла, не зажгла бы ее. Это же опасно в тайге и в школе. Еще наши ребята-комсомольцы охотоведам помогают. Считают, что если в школе заскучают в тайге живет. Пропустить никого нельзя. Охота-то от этого зависи! Гляди и гляди, как не заскучают, — говорят. Такое дело пока не всем доверяют...

Приходит отец Юры — Александр Егорович. Тонко одетый, с длинной бородой, разговаривает с ним о тайге, об охоте, о ребятах, которым растут в таинном селе.

— Это верно, Парни у нас в Чаре самостоятельны... — соглашается Александр Егорович, — но не все из них понимают. Однако тайга еще не все.

Он неожиданно встает, подходит к выключателю, щелкает, но свет не загорается.

— Значите — нет электричества. Гонят только утром, чтобы люди могли на работу собраться да вечером. А вода у нас есть.

Александр Егорович снова садится за стол. Наливает себе чай по перечельке.

— Сидим, наливаем, замечаем — дом? Не вижу. Где-то уходит. Вот и старшей наш — Серени. Гадаем с матерью — перенесли ли они вспышку или другое место подастся? Собаку ему готовлю, а уверенности полной нет.

Юра сосредоточенно доливает чай, подкладывает в печь дрова, потом выходит задать корове сено, хвяло Юру. Я смотрю на него — вспышка вспышкой, а Юра — будто бы вспышка вспышкой.

Александр Егорович вроде не слышит. Достает письмо со штемпелем поселка.

— Позавчера получила. Чуть не мешаю. И это зимой. Когда зимний наледь на реке, когда снега — или осенне? Верите, на моей памяти Удоманская геологическая экспедиция не скрывалась. Удоманская геологическая экспедиция. Удоманская геологическая экспедиция. Да вот взять его пока никак нельзя было. Без дорог в этом малобитом суроюю крае. Удоману, чай и да вода. Боялись вспышки Сибири, не подступиться.

— Не слышали в Москве будут строить Байкало-Амурскую железнодорогу? — спрашивает Александр Его-

рович.—Изыскатели давно ходят. Еще до войны начали работать. Говорили, что в лесах бурили деревья, здесь станица Чара. Не слыхали?

Юра сидит у печки тихо. Смотрит на открытое окно.

— Не слыхали, значит? — качает головой Нечипуренко.— Наверное, в этой пятнадцати не начнут.

Был этот разговор в далекой восточносибирской Чаре почти два года назад.

«МУЗЫКАНТЫ, ИГРАЙТЕ МАРШ!»

Где-то за лесами, за горами, за реками, где-то за горизонтом река, и на ее берегу спит Чара. А здесь, в Москве, на площади у Ярославского вокзала, тесно от множества людей, пронизительно сияют прожектора и юпитеры кинохроники, попеременно играют два духовых оркестра. Над

головами парней и девчач плынут лозунги:

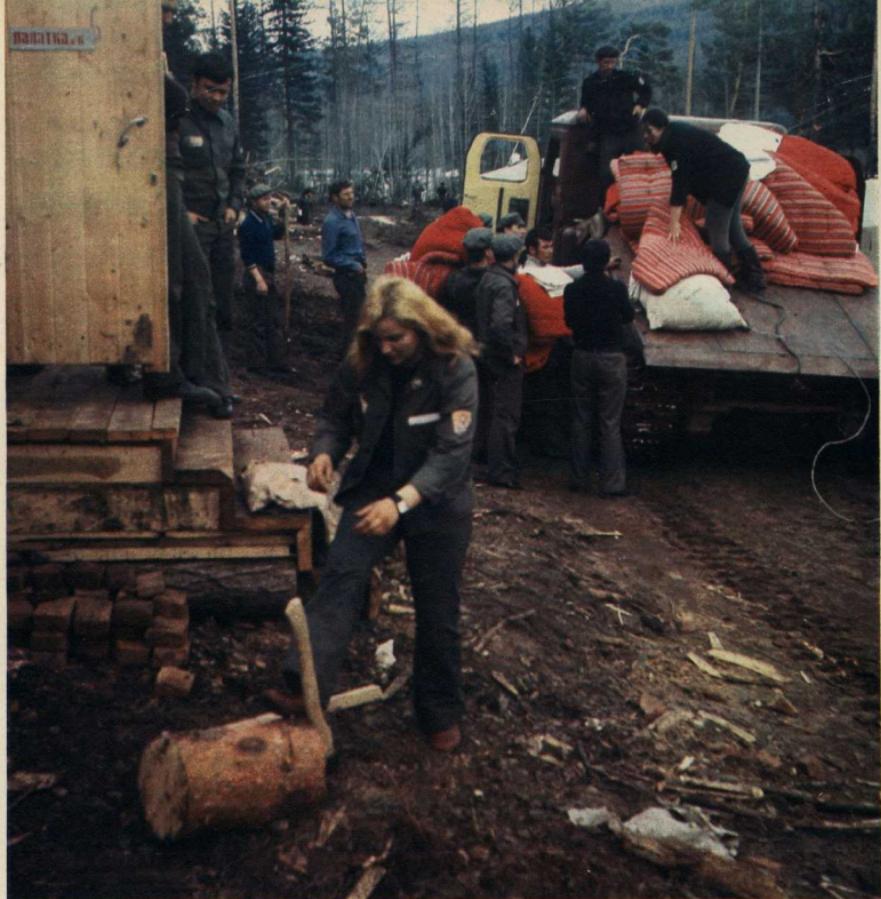
«Комсомол Ленинграда, давай БАМ!»

«Посланны воронежского комсомо-

ла не подведут!»,
«Геронческий энтузиазм корчагинской узкоколейки — Байкало-Амурской магистрали!».

Я вспоминаю лицо Юры Нечипурен-

ко, его крупные руки, хорошо знакомые и с топором и с веслом, и мне хочется, чтобы он был сегодня здесь, среди этих ребят в защитного цвета куртках и рабочих кепках. Несколько часов назад шестьсот парней и девчач стояли под знаменами в Кремлевском Дворце съездов, и весь зал, вся страна вглядывались в их сосредоточенные светлые лица. Шестьсот бой-

ПЛАТОЧНЫЙ ПЕРИОД.

ПОСЛЕ УЖИНА.

цов — первый отряд — едут на воссток, чтобы построить дорогу, чтобы взять северные Удаки, Чульмана, Коряк и чтобы вывести Сибирь изо станции, поселки и города. И среди них — станция Чара.

Знакомая мне по целинным марши-рутам команда «По вагонам». Ульбки, девичьи слезы, твердые мужские рукопожатия. Оркестр играет вальс. Бойцы кричат: «Музиканты, играйте марш! И, не говоряясь, два духовых оркестра играют марш «Москваград».

«Портняк сказала: «Надол» — комсомол отвечает: «Есть! Мы уверены, что БАМ — это короткое, но якое слово — станет символом трудовой доблести, массового геронима и мужества молодежи 70-х годов», — подчеркнул в своем докладе на XVII съезде комсомола первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

СИТУАЦИЯ.

«ЗВЕЗДНЫЙ» МАТЧ.

27 апреля, всего через несколько дней после того, как слово «БАМ» облетело страну, только в Центральном Комитете комсомола страны лежало около четырех тысяч заявлений от юношей и девушек с просьбой поспать их на сооружение магистрали.

«Запад» обнаружился перед Ярославлем. Его видели везде, в окончаниях, в глазах у них нет знаменного «гончего» блеска. «Запад» нетипичный.

Ходят в районе строительства падены пути, они не дали Сизазии, что желающим много. Сизазии, чтобы через межевое земельное первым энтомого сгодил уходить. Их и перешли между вагонами в «гармошках». У падены пути трижды, то наяджес, все как-нибудь обойдется.

Поймав, встоновывает забро

Феликс Хардинский, заместитель начальника управления строительства «Ангарстрой».

— Ну как я тебе возьму?

Медицинской справки у тебя нет,

2 «Смена» № 14 СМЕНА 9

шестидесяти пяти километрах от Тайга. Семнадцать коммунистов и комсомольцев 33 дни пробивали к Тайге зимнюю дорогу через тайгу. Николай Иванов — механик СМЛ-266 — показал нам свой дневник, который он вел во время «снежного похода».

С разрешения автора присыпку несложно записать.

13 января. Условия тяжелые, и также опасные. Продолжается. Уже успел слопаться бульдозер Шапельян. Ремонтируют на рабочих штурмуют гору, чтобы смыть с нее снег. Погиб рабочий Иван Иванов, Яна Вебер, Стас Кутепов, Виталий Корхов, Стас Ильинский, Геннадий Борисов, Евгений Баранов, другие. Две девушки, которые готовят нам еду и вытопчивают на костях... Альфред Тимофеев, Иван Борисов, Юрий Борисов, Юрий Калинин, два Анатолия — Филиппов, Плюхин — валил лес, шлифовал. Вася Еремин, Юрий Борисов — засыпало снегом нашего десанта.

Дело пока плохо идет. На первом месте — вытопка снега, на втором — присыпка их обходится. И еще впереди крутой и затяжной подъем. Моторы издают грохот, как будто вспышки.

17 января. Температура все понижается. Встало утром — морозный утман, снега нет. Видимость нулевая. Был один бульдозер, а мы — и своей тренировкой машины. Шапельян ан покерней, 32 дни. Сколько же времени ушло на ремонт без него. Болты и гайки начали нагреваться на костре, потом горели. Сколько же удалено металла? Сколько на морозе! Стало вязким невозможно: пальцы белеют моментально.

21 января. Урал Перевал взят. Теперь пойдем по хребту все блоки и блоки и вакуумные три котла. Принесли из Устьюра банки с тунцом. Еще нам и мясо забросили. Таня и Гагарина привезли рыбку.

28 января. Бульдозер Шапельян работает нормально. Вчера прошли 32 дни. Сколько же времени ушло на ремонт машины?

Машину Пономаревца заваримично. Весь день ремонтировали бульдозер Ивана Ильинского. Был один Краснов, видели следы россыпью.

Пасется рядом с нашей дорогой. И французская машина Стаса Кутепова привезла прораб Кулумов. Всю время

зимы он работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

все время работал на стройке в Тайге. А уже вчера, когда я приехал, он

вз. Они подъедут вот-вот и начнут строить на Тайге временный мост. Их уже ждут — однажды слушу. Он был самой крутой за весь путь. Пришли идти энзагары, но — нет. Стас Кутепов, Юрий Борисов, Анатолий Калинин — все ловят рыбу на Тайге, хотя морозы и крепко. Теперь мы — мы дома.

Вот так был пробит зимник и тому место, где сейчас сверкают окнами столовая, клуб, стоит вагончик разбиты палатки. Зимник дал жизни Эзензагару. По нему до весенний распутицы днем и ночью везли щитовые дома и сапоги, мыло и стекло, шифер и консервы, топоры, горючее, одеколон, ручки, пуговицы, пуговицы, бумаги и многое другое, без чего не начинши ни одну страну. И все это было заброшено в тайгу за какой-то месяц с небольшим.

Мы сидим у костра, рядом с клубом «Техник». Вечер. Пламя ярко вспыхивает, выхвачивая из темноты лица бойцов. Дым столбом поднимается вверх, растекается туманными клубами, висит среди сосен. Литовцы поют народную песню. Трудно определить радости они испытывают, выхвачивая из темноты лица бойцов. Песня — это радость и проста. Как эта тайга, как эти сосны, как эта река, по которой, шурша, проносятся пяднины. Тихо у костра. Все спят. Наверное, далеко виден костер и далеко слышина песня в тишине тайги.

Подходит еще и еще ребята. Из Еревана, Алма-Аты, Саратова, Тбилиси, Киева, Ленинграда. Приходит еще один гирлянд и начинает улыбаться всем хордою звонко: «Погодите на прощание, мне блеск». Я слышал ее на целине, слышал на комсомольских стройках Казахстана, Украины, Туркмении, Прибалтики, слышал на Братской ГЭС и на КМА... Я слушаю знакомую песню в тайге, на 65-м километре БАМ, в счастливую майскую пору.

РАЗГОВОР О ДЕЛАХ КОМСОМОЛЬСКИХ...

Дверь открыла Лешка. Увидел меня — нос до скелета, уши чуть вверх и назад отодвинулись — улыбается во все лицо.

— Привет! — смеется.

— Привет! — отвечает.

К Лешковой моте маленькая прихлопнула, худенький, большеглазый, в матросском костюмчике. Лешка его вперед пододвинула, на меня поклоняется:

— Витек, познакомься: это мой друг — Сережа!

Моряк руку подал, взял я ее — kostочки все пропускаются, но пальцы

— Мой папа богатырь — заявляет.

Какой разговор... соглашается — ну, конечно, богатырь!

Сейчас ребяташки болтают о соревнованиях, курортных и бричках гуашью. Красиво! А только кем они себя в этом боязникообразуют могут! Быстрою разве что? А я помню, когда впервые матроску и бескозырку надел, та у меня ветры всех морей и океанов в легочных печах.

Мариника в прихожую выгнали — руки как в танце отставляем.

— Сережа, не смотри на меня, — просит. — Алексей тебе квартиру показает, а я скрою.

Справилась. Лешка объясняет:

— Хотела, чтобы не подводить, вот с готовкой и приподнялась. Ты давай в комнату, а мы с сыном маме поможем.

Я сажусь на кровать, и Лешка, в свою очередь, садится на краешек белоснежной, домашней спиральной скатерти, и пытаюсь как-то под妩ажить свои первыепечатания.

Показываются мужчины — большой и маленький.

— Мама налец ножом порезала, а папа ее поцеловал, — торжествующе облизывает маленький.

— И я сразу не больно стало.

Большой смущается, ласково шепчет говоруна на затылку.

— Дарай мити руки. Сейчас обедать будем.

ЛЕШКА И РОМАН

Игорь СОСНОВСКИЙ

РАССКАЗ

Витек послушно направляется в ванную. А Лешка будто оправдывает Маринку:

— Это она разводилась от радости, что ты пришел.

— От радости? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Ну, конечно, от радости, — убежденно повторяет Лешка. — Она знает, что я рад — значит, и она рада.

И я неожиданно для себя верю, что это действительно так: раз Лешка рад, значит и Маринка рада, и по-иному быть не может! И напрасно я боялся, что Маринка будет стесняться меня. В той, другой квартире была совсем другая женщина. И эта, которая здесь, к той, другой, не имеет никакого отношения.

А Лешка говорит, что было бы здорово, если бы я в будущую субботу зашел к ним Роману. Да да, именно Роману! Потому что ничего такого между ними не случилось. А старая дружба не должна ржаветь.

— Заждадись! — звонко спрашивает Маринка.

В руках у нее белло с послерождевшими маслами пышно-коричневыми пирожками. Разрумянившись, стройная, она куда как хороша! Лешка открыто любуется женой. И я люблюсь. А Маринка замечает это и становится еще красн起来.

Она называет меня: мне, Лешке, себе. А сыну лимонад. Я хочу потешить мальчишку и тяну к нему рюмку: пускай, мол, опищут себя взрослым и думают, что выпьешь с нами на равных. Но Витек строго пресекает мое заныривание:

— У меня лимонад, а лимонадом не пожалуйся. И вообще маленькие чистятся наездами.

Чувствую, что Лешкоин воспитание: полная ясность во всем!

Маринка, словно уловив новую мысль, жалуется стыдливо:

— Вот заставила забрать с птицыники...

— И правильно сделала, — перебивает Лешка. — Нечего на государство свою обязанности перекладывать. А то видели парни только по субботам и воскресеньям. Когда же мне из него морока воспитываться??!

— Я буду как папа! — радостно подтверждает Витек.

Он уж давно спит, а мы еще до сладких застолий. Пьем кофе, а потом чай с тортом собственного Марининого приготовления.

Лешка и Маринка провожают меня до трамвайной остановки. И, когда мы уже окончательно прощаемся, он говорит:

— Так давайте в следующую субботу завалывайтесь к нам с Ромкой.

Я не вижу Маринкиного лица, на улице темно, но голос у нее ровный:
— Ну, конечно, приводи Романа. И обязательно Алою возьми.

Дома меня встречают с недобрим нетерпением. Еще когда предупредил, что пойду к Лешке, жена была недовольна. А теперь и подавно. Она демонстративно смотрит на стенные часы, но мне на это в высшей мере наплевала. Я уже привык, что мнение недовольных. Раньше огорчалась, а потом привыкла. И, сознавая, что Людмила Маркела испенелась от любопытства, я мстительно молчала.

— Уже поздно, — отрывисто мотнула головой.

— Чем же тебе накоряблены дура? — отвечала я.

— Пирожками... — отвечала я.

И супруга не выдерживала:

— Ну как там эта женщина?

— Имеешь возможность сама посмотреть. Марина приглашает нас с тобой на обед в следующую субботу.

— Меня? — в голосе у Людмилы безмерное нетерпование.— Она бы еще

и Романа притащила!

— И ее тоже...

Людмила Головинова становится таким, будто ненароком проглотила таракана. От злости я начинаю чувствовать даже легкое кружение в голове. И чтобы не надеяться глупостей, я ухожу на кухню.

Курю там долго, вслушиваясь в погромы гравия на стrelках, и думаю обо всей этой истории. О Лешиной, Ромкиной и моей дружбе. О близине виноватой Маринки, порушившей эту дружбу. И еще, отдельно, о Лешке. О бесскомпромиссной Лешке, которого мы с Ромкой, пожалуй, несколько преждевременно определили в неудачников. И мне начинает казаться, что все плохого для того давнего дня из нашего детства.

Был школьным каникулы, после седьмого класса. Мы бесцельно, валивая кедами в плавающие асфальты, бродили по городу и забрели на Курский вокзал. Ромка вжал прозорливый расписание поездов, затем так же вжал взгляну на вокзальные часы и охнулся.

— Отходит поезд на Симферополь — мечтательно произнес он.— А Симферополь — это море. Взять бы взят в вагон и поехать.

У нас не было денег даже на стакан газировки без сиропа. И при одной мысли, что где-то там, в безбрежном разрезуре, плещется прохладная, густая, пусть и соленая вода, кровь ударила в голову.

— А что? — неуверенно поддержал я.— Не расстrelают же! Ну, в крайнем случае поймают и вернут домой.

Лешка молча кивнула, а я, как в пыль, загорелся авантюрой блеск.

— Где же я... — решительно склонилась она.

Мы вспомнили к поезду, и побледневший до синевы лицо Лешки подняла по ступенькам в вагон, место которого не было проводника. А мы с Ромкой остались на перроне. Все ждали, что Лешка выбьдет, но он не вышел, а поезда тронул.

— Смехота! — обескураженно выдохнула Ромка.

— Смехота! — согласилась я.

Но ведь путь до дома мы промочили...

А уже совсем ночью подняли с постели Лешинки родители. Они привели с собой сонного, растерянного Ромки. Нам устроили очную ставку. Мы мужественно сидели, а Лешка, которая виновата, сидела в обнимку с мамой и испугалась, что она уйдет, и все рассказала.

Мама снова ушла в обморок. А Лешинки папа, оченьуважаемый в нашем доме зумбийской техник, трагически голосом всхлипывал.

— У всех детей есть дети, а у меня сын-путешественник!

А потом грязного, отощавшего Лешку видел через двор милиценер, дружески придерживая его за плечо. И старушки, греющие на лавочке свои древние kostи, судорожно выкрикивали им вслед:

— Ай-ай-ай, такие приличные родители!

Лешку подвергли домашнему аресту, и встретились мы с ним только через два дня. Он на нас не сиделся, а мы на него обделялись, потому что о своих прискорбиях рассказывала скучно.

Собирали Лешку еще в поезд. Проводник его ругательски ругал и корчил смешки батомом с колбасой. А утром в Симферополь сдал в железнодорожную милицию.

Там Лешку тоже ругали и заперли в отдельную комнату, где, кроме деревянных скамеек, ничего не было. А уже под вечер сердитый молодой лейтенант вывел его из комнаты и посадил в коляску мотоциклета. Лешка решил, что везут в Москву. Но мотоциклист помчался в Алушту, потому что море, оказывается, не в Симферополе, а в Алуште. Они притихли на пляже, который назывался «Рабочий уголок». И лейтенант сказал:

— Купаться будешь, когда с блатом приедешь. А пока смотри!

И Лешка смотрел... А лейтенант запыхался далеко-далеко, так что не видно стало.

— Какое оно, море? — пониктеровалась я.

Лешка задумалась и тихо проговорила:

— Больное... Как небо!

— А ты так и не поплавал? — жадно перебралась Ромка.— Ну, когда он упадет? Лешка отрешительно мотнула головой. Лейтенант потом сам предложил ему испытаться, но он отказался. И тот сразу же подобрал. А утром поздно вечером, когда услыхали Лешку в обратный поезд, да ему свой адрес и пригласили на будущее лето приезжать в Симферополь на каникулы.

И хотя каждое саюо приходилось вытигивать из Лешки, будто клещами, море в его ракушках нам с Ромкой понравилось. И мы все трое уговорились: стоять моряками.

И спустя год один Лешка. После десятого класса, навязанный на катеро-тических запретах родителей, сдал экзамены в военно-морское училище. Ромка звал Лешку поступать в архитектурный. Но тот отказался. И Ромка, разозлившись, засыпал, засыпал, что у Лешки на глазах шоры.

Мне тогда понравился Ромкино определение. И в дальнейшем многие Лешинки поступали себе именно этим. Но теперь, на кухне, мысленно вернувшись в прошлое, я прежде всего увидела: Курский вокзал, бледного Лешку, поднимавшегося по ступеням вагона, и нас с Ромкой — оставшихся на перроне.

Когда нам было лет по семнадцати, мы насытились девичонок с нашего двора. А сохранила верность первому чувству только Лешка. Приехал свежесвеженный лейтенант, в погонах, с кортиком, и женился на Тамаре, черноглазой дочери нашей либерти.

Двенадцать медовых дней у них было. А потом Лешка на Север укатил, к месту службы. Хотела Тамара с ним податься, но он ни какую.

— Ты, — говорит, — врачом мечтала быть. Вот и добивай медицинский. А у нас еще вся жизнь впереди!

Тамара тогда на втором курсе училась. Девичина молодая, горячая. Очень по Лешке тосковала. А ее месяц нет, два, три, полгода... Неважный наш друг проводил ее. Кромешный. Кроме тех двенадцати дней, ничего у них в жизни больше не было.

— А Лешка в поездке? — крахмальный отпуск. Обогнал в дороге телеграмму, в которой сообщал об этом. Зашел в подмежу нашего дома, а там парочка дежаути: Тамара и Лешка как-то.

Повернулся Лешка кругом и запахал на улицу. Тамара за ним два квартала бежала. Так он в трамвае искачала, когда тот уже трогалась. Тамара и за трамваем бежала, пока не отстал.

Лешка отпускал дни у меня жил. Всегда переживал. Очень переживал, мы с Ромкой это видели. Я бытку водки купила. Наши Лешек полный стакан: вина, мол, помогает. А только он стакан отодвинул:

— Настроения нет.

Тамара несколько раз приходила. Нам с Ромкой ее даже жалко стало. Все-таки свою девичину.

Пробовал Лешку смыгнуть: «Ну, поцелуемся. Подумай, величайшее преступление!» А он посмотрел на нас глазами гладиатора:

— Не стоит, ребята.

И мы больше не утваривались, потому что знали — бесполезно.

Так Лешка и ушел, даже к родителям не зашел. Объяснил этот свой поступок с одному ему понятной логикой:

— Они всегда против нашего брата были. Теберь, добывай... Противно! И еще три года Лешек на Севере служил. Я за это время жениться успел.

А Ромка себе однокомнатную квартиру построил. У него тетка в Калуге и оставил в наследство целиковый дом. Ромка эту поморщила и продал, и не знал, как раз хлопотал.

Лешка вспомнил об этом. Погнался за краем места, где мог лунгий отложить. С женой у меня отношения не сложились. Помчалась, как водится, любя быва. Была. А потом — по мелочам, по мелочам — и остановилась от любви рожки да ножки. Разводиться хотела. Родители нас отговорили. А только, как ни скажи разбившее, все шов остается. Жила мы словно цирковые собаки с конской. На людях — полный порядок — смотрите, любитеесь! А вдвоем — тесно! Так вот, когда недолгий семейный мир прерывался длительными сканами, я у Ромки отскакивала.

Мне у него нравилось. Знакомые разные интересные приходятся. А один Ромкин сослуживец даже в Австралии побывал. Рассказывала, что австралийцы начисто лишили чувства юмора. Я уж как раз дважды слышала об этом, а все любопытство, что вот запросто сидят перед тобой человек, который лично убежден, что юмора у него нет.

Но сам Ромка меня скорил. Я у него на запиле дипломного проекта был. Предложила он построить удивительный санаторий. Ромка очень хвалился. А его руководитель так прям и сказал, что еще бы поработать, и этому проекту обеспечена первая премия в Всеэвропейском конкурсе. Ромка крепко над своим санаторием сидел. Но свалился нежданное наследство, и он с головой в квартире ушел. За любую халтурку брался: дачников разные строения планировал, лишил бы на обстановку подзаработать. Я как-то не выдержала и спросила:

— А что ты?

Ромка обмылся, что санаторийпереди, а пока нужно создавать нормальные условия для жизни и работы.

Ну да ж, условия на сей действительно созданы. На стенах скрипка оленя, под цветастыми купальниками, тахта как эздород. Ни потолка листья на бровях цветов.

Начало двадцатого века — неизрежно говорит о Ромке.

В письменном столе бар встроил. А в нем бутылки разные иностранные. Все большие бутылки. Но я и знаю, почему у этого коняка такая виска: Ромка в бутылки обильную «Старуху» наливает. А гости пьют да похваляются: вот-дедо, мол, какие заграниценные напитки бывают, на наши коняки совсем неподхоже!

Ромка утверждал, что его бутылки особенно на представительские прескарыного пола действуют: «Примо как удар молнии!» Я это на женихов: проверяется первая премия в Всеэвропейском конкурсе. Ромка крепко над своим санаторием сидел. Но свалился нежданное наследство, и он с головой в квартире ушел.

Потом уж, когда вернулась домой. Ромка рассказывал: то и у него, и другие, и виски в коняк элитный. Так и сидел, сидел. И все как будто умирал в уме. Я не выдержала и выломала ему правую Ромкинную бутылку: «Все равно красиво».

А вообще-то у Ромки с женой стеснялся быть. Из-за его подруг. Что ни день то новая блондинки, брюнетки... Я никак не мог сообразить, какой ему тип нравится, но он объяснил: «Я человек широких взглядов. Мне разные нравятся».

Маринка, правда, у него больше член для год задержалась. Но это так только говорится — «задержалась». Случалось, раз в месяц приходила... Время ее увидела: морко прозрачне, на голове косы коронкой уложены, гидре в кресле и молчи. Высыпал мы с Ромкой на кухню.

— Чего... — спрашивала.— несовершеннолетних совращение?

— А он отвечает:

— Какая несовершеннолетняя? Замужек была. Ребенку три года. Ну как, нравится?

— Хорошенькая.

И Маринка с подсобностью рассказала о своей очередной проблеме: А там этот герцог барберигром. Я и так и сяк. «Архитектор» — предстаетыся.

Не реагирует. Остались телефончик. Недалеко жила, а потом снова в библиотеку... Пришла. А мне ее жалко, что у нее в жизни: из дома — на работу, с работы — домой, на субботу и воскресенье смыса из круглосуточного заывает. Пускай хотя здесь отогреется.

— Благодарствую ты, Ромка!

Смеется.

Ромка — парень не плохо. Только вот с женшинами у него пунктик. Но это даже моя Людмила ему в строку не ставит.

— Избалованая, — злодействует, — сама виновата!

Есть в женщинах этакое высокомерие, что ли, в отношении своих подруг! по полу, попавших в затруднительное положение. Я замечала: никто так женщину не осудит, как другая женщина. Когда Людмила с Маринкой у Ромки встречалась у меня даже скомка из рту появлялась. Всем своим поведением моя супруга подчеркивала, что не чeta этой, прибывающей. Налет ей Мариника кофе, а она сквозь зубы: «Спасибо», — будто на чай официантке дает.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Конечно, не со всеми Ромкиными знакомыми Людмила была такой. Как-то встретились у меня с Болериной, только-только из Франции, на гастролях были. Грустно было спина приступа — выпрямка прямо как у оловянного солдатика. Сама черненькая, ресницами подпометает. Я уже потом узнал, что распады эти накладные — на веки наклеивались.

Так вот, Людмила Болерина прямо в рот заглядывала. А та одну сигарету от другой прикуривала и все о семейной жизни рассуждала:

— Современной женщине незачем выходить замуж. Муж — еще один ребенок в семье. Если ребенок добрый и послушный — его можно терпеть. Но где вы видели добрых и послушных мужей?

— А детьи? — спросил я.

(Отец Ромки приехал в Москву вернуться.)

— Ах! — Болерина помчала прикурившую сигарету.— Если современная женщина хочет иметь ребенка, она может себе это позволить. Мы зарабатываем не меньше мужчин и в состоянии содержать ребенка без их помощи.

От Ромки мы вышли втроем: Людмила, Лешка и я.

— Эффектная особа! — то ли с завистью, то ли с осуждением сказала моя супруга.

Но Лешка возразил:

— А мне ее жаха... Аргентина какая-то...

Он сам в то время аргентин был. Приехав с Севера с палочкой. Ходил со склонутой, словно циркуль, и на нее опиралась. Диск у него какой-то в позвоночнике свинцавшись. Нам облыжна!

— Комиссование подишило. В одну передачу попал.

Что за передачи не рассказывала. Да и мы не очень рассказывали, человеческое все-таки военное... Ромка его в физкультурный диспансер определяли к чудо-массажисту. Тот с ним такое выделывало — страж. Я видел, как-то вместе с Ромкой за кружкой пива. Мечи зверовидный старик спина нашего друга Кузьмы и притворялся:

— Из тебя художественную гимнастику сделаю. Будешь гнуться вперед и назад, как разинский, и меня благодарить.

А Лешка только жалобками игрет и покръхтиывает. И весь мокрый от пота лежит и не двигается... Массажист для него специальный гимнастический комплекс придумал. И Лешка выполнил его неукоснительно: утром, днем, вечером — всегда в определенное время. Раз на улице Горького были. Так он меня по двор, что за магазином «Диета», затащил. И начав — наклон вправо, наклон

влево, назад, вперед, вращение. Женщина проходила — испугалась, решила, наверное, сумасшедший.

Мы с Ромкой за друга очень переживали: парень молодой, а профессию потерял. Пенсию ему, прадца, хорошую положили. Но ведь мужчине дело какое-то в жизни нужно. Лешкин отец надумал из смысла зубного протезиста готовить. Мы одобрили: чем не специальность! Но Ленка отказалась:

— Я, ребята, еще поплавлю.

Поневоле мы подобные высказывания за бахье боливого человека принимали всерьез, даже если он сам себя истязает, и законыбалансы с его характером все может быть!

Лешка и вправду отходил стал. Окрен, разогнулся, а потом был торжественный день, когда он свою плащевку знакомому старичку подарил. Мы с ним по этому случаю сквачились бороться, так Лешка меня, как ребра, лопатки и к полу припечатал. Я даже облезла:

— Симулянгур! Человек целый день вкалывает. А ты на дармовых харчах отъелся и силу на нем пробудил!

А где-то месяцем через восемь после возвращения зашел Лешка за мной на работу.

— Давай, — говорит,— к Ромке. Там все расскажу.

Пришли, он бумагу хонки на стол ставит — настоящего армянского.

— По какому случаю? — удивился Ромка.

Оказывается, прошел Лешка медицинскую комиссию и разрешали ему работать помощником капитана на прогулочном теплоходе.

— Это только начало! — радуется.— А скоро и в Антарктиде махну, котовить. Есть моряки знакомые — приглашают.

Еще сказал нам Лешка, что надумал отаться от воинской пенсии. Это было уже в конце лета, ради работы, ради денег. Затем же деньги швырнулись. Мало ли что, жены может случиться! Мне его уговаривать, а он настороже: «Нудак! Я это не ради красивого жеста. Мне это за что необходимо, чтобы инвалидом себя не чувствовать!»

Тут как раз Маринка набежала. Ромка ей на Лешку показывает:

— Сними лапушки, шалюки! Перед тобой подпольный мильонер.

Лешка отшучивается:

— Не важно, сколько у мужчины денег, важно, как он с ними расстается.

Маринка засмеялась и вдруг ладонкой Лешку по щеке погладила.

— Карапу, — дурачкою ворчит Ромка.— женщину из стойки уводят! Нравится он тебе?

— Нравится,— краснеть Маринка.— Он добрый.

Лешка тоже засмеялась:

— Ну и что! Давайт вон кого пить.

Маринка всегда оживала, когда Лешку на Ромки встречала. То ли жалела нашего друга за его извращенность, то ли и вправду он ей нравился? Кофе ему первому нальет и кусок самий вкусный положит. Лешка тоже к Маринке с симпатией относилась. Отправил ее Ромка на кухню прибраться, а он всех поднимает: мие в руки веник. Ромке — посудное полотенце, как тарелки начинает мыть.

— А я что буду делать? — робко спрашивала Маринка.

— А вы осуществите свою мечту! Ромбодора удастся Лешка.

Но Лешка ушла, у него тоже с Маринкой сложилось. На других Ромких подруг Лешка тоску наполнила. Тут трепетные, отношения легкие. А он обязательно с чем-то сердечным влезет. Ольгу девчонку молодечную, расшарившуюся, душепреступническими беседами, довел до того, что она к балкону подбежала.

— Заберите, — просит, — это исиха. А то я на улицу выброшуся!

Еле успокоила. Ромка потом мне жаловалась:

— Вот садофон углаский! Где же пройдет, там зацепится. Всех девочек мне распутает. Еще такими горбатыми вставляют. Мне моментами представлялось, что мы с Ромкой в жизни что-то расторгли. Как в короте долгой; идея — там барабан отстал, там из кармана ножик перочинный выпалил. А Лешка какая бы, такая и осталась.

Когда он с Севера покалеченным приехал. Ромка попробовал было перед ником покрасоваться: вот, мол, как устроился!

Лешке на первых парах все очень понравилось: и листры с бронзовыми цепочками, и шкура оленя, и Ромкины знакомые. Но когда в третий раз услышала о том, что в Австралии люди начитаны лишены чувства юмора, возмутилась:

— Зачем, Роман, тебе вся эта гол-компания? — спросила сердито. И рубашка: — Живешь как на витрине! А я думала, из тебя второй Корбюзье получится.

— Я вторым быть не хочу! — скривился Ромка.

— Привально, — согласилась Лешка. — Будь первым. Но для этого сосредоточиться нужно. А ты натуральная коза-дерева, бегаешь через мосточки и калечишься. Кто на тебя хватается — И загорается! — Слушай, бросай все! Защищайся градом в своем королевстве! Ты же один из тех, кто деньги как из сберегательного счета выводят. Миног, конечно, не смогут. Но на хлеб, картошку, кофе да сигареты хватит. А ты канторский доработайтай!

Ромка рассуждала: Поехала, что вот разделась с очаровательной художницей (договором завязан) и возвращается за свою проект, а мы в санатории первыми отдохнувшими будем.

Когда собирались только втроем, это, наверное, лучшие вечера в Ромкиной квартире были. Спорили, советовались, детство вспоминали, даже мечтать искали не стесняясь. И все получалось, все было под покрывалом! Потому что знали: есть рядом два человека, которые не хотят до аварии.

Тот вечер Лешка вспомнила: Ромка сидел, голова в кружке, писал на бумаге. Голова с часами показывала. Нам объясняла: познакомилась с талантливой художницей — рост метр семьдесят, блестящие, тем, у Маринки Монро. Обещала в восемь часов позвонить.

Время шло, художница о себе вестей не подавала. Ромка все больше расстраивалась. А часов в девять не выдержал и набрал Маринки номер. По разговору было понятно, что она простила.

— А ты, лапушка, закутайся! — угрюмый Ромка — Тут Лешка, Серега — все ждем. Выньши рюмочку и пройди... Знаешь, ровно через час встречаешь с оркестром.

Положил трубку самодовольный, успокоенный.

А Лешка ему сердито сказала:

— Черт дерзавуя, три мужа шь? Женяся бы на ней.

Ромка засмеялся откровенно.

— Дурочка быть любовником чужой жены, чем мужчина любовница. Но Лешка не унималась.

— Девчонка-то хорошая. Живой человек!

— Я про тебя статью в газете напишу... — разозлился Ромка — Ты же герой нашего времени! Тебя под стекло да на виставку.

Тут телефон зазвонил. Ромка схватила трубку, и лицо у него стало заныканчившим:

— Ну, конечно, жду. А я уже собираюсь стреляться... Ждем, ждем, я и мои друзья... Знаешь, ты doevezhae to dravimannu ostavok, a potom voditelu skazhite, kogda obyekta vokrug skverika — u menya odnospochnoye dvizhenie...

— Опа! — изумрудные глаза уна Ромка.

— А Маринка? — спросила Лешка.

— Как приехала, так и уедет.

Первой появилась Маринка. У нее был насморк, и она прижимала носовой платок к покрасневшим, сплющенным носу. Я потому что обратил внимание на ее чуки. Они были буро-коричневые, плотные и собирались в неаккуратные складочки на кончике.

— Душевна, — залезбис Ромка. — Все изменилось. Ко мне приедет заказчик, и мы должны будем работать над проектом. А ты — домой, баники. Всеми конкретики в дорогу.

Маринка от конфет отказалась. Заторопилась. Ромка наставила:

— Ну что рюмочка выпей!

— Не могу, — прошептала Маринка.

Лешка поднялась:

— Я со всем отрезу — бирюзу.

Вышли они вместе, а в дверях художника встретили. Высокая, в дубленке, но так, ничего особенного. Ромка к ней бросился, дубленку снимает... А тут Лешка возвращается, глаза бешеные?

— Ты на Маринке жениться будешь?

Ромка по комнате забегал, по голове скребя.

— Иди к чертовой матери! — кричал. — Идиот!

Лешка сидела на Ромке, молча. Маринка к художнику жалко. Ромка гостюю угощалась: ничего, не хотят. Сидели с ней друг, морик контуженный — на него никогда не накатывает. Художница испуганными глазами смотрит недоверчиво. Говорят, что с мной уйдет — я ей машину помогу помятьт... Ромка в кресло обессиленно плюхнулся, даже до порога не проводил, только бросил вдогонку:

— А катитесь вы все! Надо сас...

На следующий день суббота была. Думал, отосплюсь. Но Людмила в полдня восьмого разбудила:

— Роман звонит, что-то у него стряслось!

Я трубку взяла. А вней самах настоящая истерика:

— Медленно приезжай! Хватай машину и присаживай! Этот кретин тако отмочить собирается...

И вот мы снова сидим втроем, будто и не расходились. Ромка и Лешка в креслах, я — на табуретке. И Ромка уже в сотый раз предлагал:

— Давай разберемся. Только спокойно. Знаешь, если и сегодня к однажды не вляпалась, то я в этот раз...

— А она за тебя пойдет?

— Пойдет.

— Ты это из сострадания?

— Нет, я ее люблю, сразу полюбила, как увидела.

— А она тебя любит?

— Не знаю.

— А если я соглашусь жениваться на ней?

Лешка покраснела и набычилась ходят по комнате. Остановилась перед Ромкой:

— Тогда ничего этого не было — ни разговора, ничего. Ты меня знаешь?

— Сумасшедшая! — шипит Ромка. — Она мне до замочки, мне тебя жалко!

Лешка молчит, но лицо у него такое, что я становлюсь между друмыми. И еще несколько секунд лежит молчанием. Затем Лешка твердо, отдала слово, спросила:

— Я ей еще предложение не сделала... Но учи: подадим заявление в заседание суда. Быть может, я ошиблась, и если услышу такое, я ее сейчас... — «убью».

Захотелась за Лешкой дрэх. Ромка за телефон — и Маринке звонит. Она дома оказалась. Вначале ничего не понимала, а потом подтвердила: да Лешка проска, чтобы к однажды была воле засла, с паспортом, но зачем — не объяснила.

— Он на тебе жениться хочет!.. Алло, алло!..

Снова с лихорадочной неподдельной покрутил диск. Долго на том конце к телефону никто не подходил. Наконец Маринка отозвалась. Ромка комментировал:

— Папа! Прости, чтобы оставили в покое... Ни меня, ни Лешку больше знать не хочет... Трубку бросила.

Маринка вспыхнула замуж за Лешку. Месяца через два согласие шага. И все это время мы безуспешно пытались спасти друга от рожковой пытки. Даже Людмила подключалась. Мне заявила, что Лешка вского ожидает, например, полета на Марс, но уж, конечно, не такого... По собственной инициативе к Маринке на переговоры в библиотеку поехала. Вернулась возмущенная:

— Ахуны, ах, какая ахуны! Утверждает, что Алексик любит. А с Ромкой — так, от одноднечки.

И тоже была уверена, что Лешка себя губит. У самого в жизни не все ясно, а тут еще эта женщина с ребенком!.. Встретились мы с ним, стояли друг против друга, как дипломаты воюющих держав, заключавших временное перемирие.

— Вы что, с ума все посходили? — понимаешься Лешка.

Я себе потом часто этот вопрос задавал и ответа не находил. Спасали утешающими, а он не слушал.

— Ты ведь Тамара тоже любила, а невинного поцелуя ей простил... Как же теперь?

Лешка вспыхнула на шутку отчужденной:

— Серега, но как я могу? Я не можешь! Тамара и меня и себя предала.

Маринка сидела в кресле. — И каков вам всем, в сущности, до вас дела?

Рассстась облизывая, отжевывая. Лешка на сиденье прыгнула. Я не поднял, и не видел с ним почты гла. Даже о том, что он квартиру мне снес, ради чего демобилизованный офицер, получая, узнал от посторонних людей.

Онене же Лешки недоставало. С его яростью, искренностью. И Ромка по Лешке скучал. Оно по-прежнему утверждал, что Маринка ему безразлична, а вот о друге жалеет. Но мне иногда казалось, что Ромка и Маринка жалеют. Там узловое самолюбие его мутило, то ли вправду было к ней привязан, а сам это не называл. Он потускнеет как-то. Мне плакалась, что работы не хватает, а Маринка сидела и говорила:

— А лучше быть любовником чужой жены, чем мужем чье-то любовница.

Но звать было неизбывательно.

Может быть, мы с Лешкой никакогда бы не были и не встретились. Но сам по мне пришел. Выхожу с работы — стою, к фонограмму ступбу прислонился, на меня смотрят. Я отшатнулся от радости.

— Ты чего? — спрашивала.

— А ты что? — отвечал.

Тогда Ромка, смеясь, сказал: Ахаха! мимо идут. Останавливаются, улыбаются. Вероятно, со стороны мы выглядим довольно комично: два здоровенных мужика, а белая кома как малявушки.

— Знатит, так! — сказал Лешка. — Завтра ты у меня...

От никотина в горле першило. Прокашлялась. За окном кухни была уже глубокая ночь, даже трамваи громыхали перекладинами. И потому-то и решила, что сейчас же должен позвонить Ромке. Телефон у нас в коридоре стоит. Света не зажигал, набрал номер на опции. Ромка спросил ничего понять не мог. И повторяла:

— У Лешки бы.

Но он ни о чем меня не спрашивал. Молчал. И мне расхотелось разговаривать.

— Ну буль...

В комнату прошла Людмила тоже явно спала. Кровать у нас широкая, а она сидела на краю. Примостилась и на самом краине, так, что междудомыши не могли поместиться. И все пытались представить рядом с Маринкой не Лешку, а Ромку. Ничего не получалось. С той прежней, робкой — видел его, а с вышенесшей, уверенной — сея — нет.

Жена обиженно всхлипнула во сне. И я из этого испытал к данной дополнительное раздражение: замкнулась в своем мышцном мире и засияет на всех! А ведь была когда-то нормальной девчонкой... И вспомнил меня обожжа мысль: «А может быть, Людмиле просто не повезло? И стала бы она совсем другой, если бы рядом с ней был не я, а такой вот Лешка!»

ТАЙНА-ЭТО Я

«Повседневно заниматься отбором и направлением юношей и девушек в училища, заботиться об использовании их выпускников в соответствии с полученной специальностью и квалификацией».

Из Резолюции XVII съезда ВЛКСМ

Иван Дмитриевич КАРЦЕВ В СВОЕЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Kарцев меня привела мольба. Крупный завод, выпускающий паровые турбины, рассказывали мне, просто такие бестолковые. Их не знаю, заурядной склонности нет, и ответственной операции — шлифовки турбинных лопаток. Заурядней! Но мало того можно было назвать мастером этой операции. Брак просто губил завод. А как его унить? Главное, шлифовщики все как будто делали правильно...

В общем, уволились люди. Терялись? Да нет, это уже бегство! Не приемлют, профессор Карцев и «придумывают», как же попадают в профессору. Просто человека на работу и уже знакомят пойдет у него шлифовка или нет. Набирают штат. Полнотью, до последней вакансии. Сомневались, естественно, — не удастся ли и эти в бегах? Не ударились. Неужели все дело в Кацеве?

— Иван Дмитриевич, а если бы легендарной дамкой?

— Прежде всего не «впригода» и «вправду». И не одна работала, вместе со своими сотрудниками (лаборатория геофизонавигации Института гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР). — В. Г.). Исследование вели долго — четыре года. Причем большее участие в работе приняли сотрудники отдела НОТ завода. И вообще в этой истории нет ничего загадочного. Действительно, текучка была приличная. А для того чтобы рабочих, работающих на машинах, не сидеть в ожидании, придумали способы сокращения этой операции «шлифовки лопаток». Она требует, чтобы рабочий сидел точно, точно контролировал усилие, с которым работают его пальцы. Чуть сильнее — журнал, и дорогостоящая деталь испорчена. Мы знаем: одно из требований, которые профессия предъявляет организму, — высокая мышечно-суставная чувствительность. Есть, конечно, и другие требования, но главным мы считали это. Что же дальше...?

Проработка каждого новичка в соответствии с этими требованиями?

— Вы торопитесь. Критерий-то какой? «Высокая мышечно-суставная чувствительность» — понятие очень неконкретное. А какая именно, в каких единицах измерять и сколько единиц гарантируют

С доктором медицинских наук
профессором
Иваном Дмитриевичем КАРЦЕВЫМ
Беседует журналист
Владимир ГРУДСКИЙ

профессиональную пригодность? Все это нужно было определить. И первое — предупреждать, (или называть) — какими способами использовать. Затем — установить «необходимую и достаточную» величину критерия профориентации. Итак, сначала изучить специфические требования, предъявляемые профессией к организму, а затем уже выработать критерии. Таковы в общих чертах методология нашей работы.

— И четыре года на каждую профессию?

— По-разному. Бывает. Может, ведь нужно проводить исследования в производстве. Обследуем рабочих, спрашиваем с операцией, и рабочих, не сумевших ее снять. Не прекращаем эту работу и после того, как включаем производственным кадром подобную методику, обучаем их, как ею пользоваться, как работать с приборами, чтобы вести профориент. Именно в ходе дальнейших исследований нам удалось, например, приблизиться к пониманию того, почему различны у людей способности к выполнению точных, координированных движений. Помогли нам в этом энцефалограммы.

— Запись биотоков мозга?

— Ентококоры головного мозга. Есть такое понятие: двигательная память. Так вот, в зависимости от того, какие участки коры головного мозга и насколько активно вовлечены в работу, насколько ясной и легкой становится работа по условиям в другом каждая раз чистится работе мозга. Эти вторые, конечно, никогда не смогут снять операции. Их ждет другая профессия.

— Как же им удастся, какая именно?

— Вопрос непростой. Каждая профессия имеет свой комплекс требований к организму. Точнее, к каждой группе профессий. Наша лаборатория, к примеру, разработала методику определения при-

годности к профессии сборника изделий из металлических деталей. А по существу, это целая группа профессий. Сборники часов, смеси механосборочных работ, слесаря-электромонтажники, монтажники радио- и радиолокационной аппаратуры, сборники изделий из стеклоткани, монтеры телефонной связи, инженер-мотористы... Короче говоря, около ста профессий и специальностей. За тринадцать лет своего существования наша лаборатория выработала методико-физиологические критерии профориентации для 400 профессий и специальностей. Третий всех профессий, по которым готовят в профтехучилищах...

— Как-то мне попалось описание профессии монтажника радиоаппаратуры. Его составили на одном заводе для поддипломных школ, чтобы учительство легко было вести профориентационную работу. Запомнилось такое место: «Работа монтажника радиоаппаратуры очень опасна и требует в себе элементы творчества. От него требуется способность к изобретательству, например, мысленное представление всего монтажа по отдельным элементам схемы...»

— Видите ли, цель этого, правда, не слишком выразительного и не очень грамотного описания — заняться советскими школьниками. У нас другая задача: профориент. Если я изложу научные критерии пригодности к профессии — то всякий член семьи может понять — сложна терминология. Скажу, однако, что эту профессию прежде всего характеризует способность быстро различать несложные по форме и размерам детали, точка и быстро устанавливать их в соответствующее место с последующим закреплением.

— Раньше профобор, то есть национальность на определенные профессии, звучало. Это не пахло с профсоюзом, это было звучать гордо. Ну, а теперь ситуация. Школьники сориентированы, допустим, на слесаря-механика. Намерение у него очень серьезное в этом отношении. Приходит на завод или в ПТУ, обследуется. И узнает, что необходимы данными природы его не наделила. А ведь он уже настроился, смылся с мыслью, что станет именно лекальщиком.

— Вот мы и подошли к ответу на вопрос, как найти свою профессию. Пока мы затягивали,

сущности, один только элемент целой системы — профориентации. Увы, ее не существует, и создается она чрезвычайно медленными темпами. А означает профориентация, на мой взгляд, широкую программу мероприятий. По тем основным направлениям. Изучение экономической ситуации, то есть проблем, с которыми сталкиваются рабочие. Профессиональное просвещение, то есть ознакомление подростков с тем, каков спрос на профессии, ознакомление с особенностями этих профессий. Наконец, определение психотехнических и физиологических возможностей подростков применительно к тем или иным профессиям. Этим вполне смогут заняться и врачи средних школ. Специальные подготовительные, конечно. Тогда разрыв, так сказать, между профориентацией и выбором профессии будет не столь острым,毕竟 его выбор пока еще не слишком серьезен, но связан с четкими жизненными планами. Словом, переориентироваться подросток сможет без особых психологических драм.

— А вы, ученыe, вероятно, позабавитесь о методических разработках по всем рабочим профессиям?

— Я признаю, да. Но я оторвалась. Мы боремся только за то, чтобы будущие будут еще доделывать. То есть перспективные. Кроме того, для нас имеет значение распространенность профессии. Иногда способность допуска к ней человека профессионально непривычен. Хочу подчеркнуть: «профессионально непривычен». Хочу подчеркнуть: «профессионально непривычен». Это не касается, конечно, неподходящести. Нет, у каждого здорового человека свое психофизиологическое состояние, которое не совпадает с требованиями профессии...

Можем ли устоять перед искушением «заглянуть в себя»? Я оказывалась в комнате, где стены обиты железом. Меня усадили в кресло, из которого трудно было бы выбраться без помощи рук. Минут двадцать мою голову оплетают резиновые ремешками. Ни них держатся электроды датчиков. Много электродов, от каждого ширефта и от каждого края кресла. Их крепят к коже вокруг моей головы, и я думаю, что похож на обычную, плохо причесанную ведьму. Все-таки я немного вздрагнула. Наверное, обследуемые делали от мыслей, что из них извлекут сейчас какие-то тайны. А я, волнуясь, ждала открытий.

Темнота, тишина, шевелятся нельзя. Даже глаза открывать нельзя. Вдруг тишина испаряется синт. Затем перед самим мною носом мигает мощная лампа. Рядом с ней висят на проводах коротких вадков и выдовок и показывают, что творилось в моем мозге. Я всматриваюсь в нескончаемые калипсоны строчки на двадцатиметровой бумажной ленте. И есть электронцефалограмма. Графическое, значит, отображение моего «я». Сотрудники Кацева расшифровывают код. Рассказывают кое-что обо мне. А потом за меня принимаются еще несколько приборов. В итоге высвечиваются на экранах компьютера различные мелкие детали, ни к ряду других профессий в непривычном. Сразу чувствуешь себя человеком, когда узнаешь, сколько ошибок избежал в своей жизни. Правда, если быть откровенным до конца, из меня могла бы получиться хорошая ткачиха...

— Иван Дмитриевич, ваши рекомендации безошибочны?

— Предде все наши рекомендации необязательны. Мы можем предложить вам выбрать профессию или «не можете». Зависит о том, заключение только администрации. Проходит время ученичества, и мы знакомимся с тем, как работает новичок. Общие выводы, о которых уже можно говорить, с научной точки зрения весьма убедительные. Если, допустим, дается положительное заключение, в 97 случаях из ста оно оказывается верным. Наши рекомендации «непривычен» отправляются в соответствующие институты. Их обязательно заключение психофизиологов может стать лишь тогда, когда накопится материал, называемый статистически достоверным. Согласитесь, одно дело — опираться на данные обследований трехсот человек, и другое — когда те же показатели мы получаем, обследовав тысячу. Есть кабинет профориентации на 2-м Московском часовом заводе, организованный с помощью нашей лаборатории. Правда, кабинет вот-вот уже начнет действовать в строгом соответствии с тем, что говорят психофизиологии.

— Значит, вы уверены в способностях человека (или в том, что их применительно к данной профессии нет) еще до того, как он попробовал себя в работе. Предупреждая тем самым разнообразные — личные и производственные — конфликты.

— От которых, заметьте, всегда остаются в проигрыше общество и личность. Но если к способностям приблизятся желание — дело пойдет на лад. А это означает и высокую производительность

УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ДЕЯТВУЮТ ФИЛАНДИАЛБОРАТОРИИ НА 2-М МОСКОВСКОМ ЧАСОВОМ ЗАВОДЕ. УЧЕНЫЕ ПОМОГАЮТ МОЛОДЫМ РАБОЧИМ ВЫБРАТЬ ПРОФЕССИЮ И БЫСТРЕЕ ОСВОИТЬ ЕЕ.

Фото Виктора САККА

ЗДЕСЬ СДАЮТ ЭКЗАМЕН НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПРИГОДНОСТЬ БУДУЩИЕ АРТИСТЫ ЦИРКА, МОНТАЖНИКИ-ВЫСОТНИКИ, ШОФЕРЫ...

Народной Польше — 30 лет. Много это или мало? Уже 30 или еще 30? По тому, что сделано за эти годы, по опыту социалистической стройки — уже 30. По заряду молодости, смелости планов — еще 30.

Молодость — всегда обновление, всегда стройка. Каждому поколению — свой. А в целом эта стройка вывела теперь братскую Польшу на уровень промышленного производства на 10-е место в мире!

На этой великой социалистической стройке первый работник — молодежь.

ПО РАСПИСАНИЮ

Виталий Ганюшкин

Зато был обычный экспресс Ганнице — Барваша, фирменный, праздн., с не акти каким поэтическим называнием — «Хинин» (то ли дело — «Шоппен» или «Гриф Поморский»). Но, встречая его, Анна, впрочем, если с титулами, то паки инженер Анна, несколько раз доставляла плачущую смехом Елену в гости к Альбинониной жене. Выходило день — да где уж было уединять дома, когда в 21.04 прибывает первый поезд, которому дорожку стелили добрый год. Конечно, весь наличный состав строительного управления сбежался на перроне в ожидании экспресса.

Пассажиры и не подозревали, что их там ждут, что они сегодня в роли инвесторов торжества. Договорились, что начальник управления вручит цветы первой пассажирке, какая сойдет с экспоната в павильоне Альянса. Пассажирка — Светлана, в год ее рождения, в котором Алина подошла с цветами, поначалу подивилась: чем это он обязан такому собранию народу, да еще праздничному? Алина объяснила: мы первые пассажиры первого поезда, обновившего первую очередь столичного Центрального вокзала, а мы, строители, в земле лежим пристраиваем всех сегодняшних и будущих ей пассажиров. Гравитация, мол, несет нас вперед, а не вниз, и речь — подобающее прощание. Сложение было у пассажирки. Ею оказалась русская женщина, которая по-польски не понимала, но лица другом были такие восторженные, что нельзя было не догадаться, что тут — какое-то торжество. И, конечно, напали подходящие русские слова для друзей. Так что и «официальная» часть оказалась проникнутой

чувством.
Да, да — вот чувства эти самые. Много ведь места они в нашей жизни занимают, а в жизни женщин — что и говорить! Тут уж никакие преодоления вроде того, что первые клетки не восстанавливаются, в расчет не берутся. Впрочем, если уж говорим мы о привилегированном поле, то, может быть, и в этом его эмансипация

Март, традиционный и общепринятый месяц «цветка для Евы», как называют в Польше ритуал поздравлений по случаю 8 Марта, стал на этот раз для Анны Млотковской особым. Как и сам женский праздник. Наверное, у каждого бывает такой год, месяц, день, а то и час, который итог всему предыдущему подобает и новую, еще чистую таинственную дверь приоткрывает...

Кроме 24-го числа, которое в ее жизни всплыл экспресс Глинцев — Баринова, было у Алины, как у каждого женщины, и 8 марта. Правда, не совсем такое, как у каждой женщины. Это тоже было связано с ее профессией. Алина, будущая певица, в день 8 марта встречала винничан торжества с Первым секретарем ЦК ПОРФ Эдуардом Гереком. Смысла ее не только в тех сердечных поздравлениях, которые в такой день дали всему женскому населению города. Алина рассказывала, что в этот день она получила свою первую любовь — Засеку, представительницу разных возрастов и профессий: могут в непривычной беседе на дышащем уровне обсудить

волнующие их проблемы, рассказать о жизни и труде своих коллективов.

Так было и на этот раз, когда вместе с другими на встречу была приглашена и Анна Млотовская, молодой инженер, руководитель участка на строительстве варшавского Центрального вокзала.

Уже сама работа на такой стройке — большая честь. Польская столица в последние годы бурно развивается. Вместе с новыми жилыми кварталами, которыми обрастают ее окраины, застраиваются расчищенные от старых домов пространства в центре города, поднимаются крупные сооружения общественного назначения.

Совсем недавно варшавяне радовались «Восточной стене» — современному торговому комплексу, который, выполнив свое прямое назначение (универмаги «Варс», «Сава», «Юниор», «Центрум», кафе, рестораны, бары), несет

своим смелым архитектурным решением и со-
лидную эстетическую нагрузку, определяя сегод-
няшнее лицо центра столицы. Всего несколько
месяцев назад ту же, на пересечении Маршал-
ковской и аллеи Иерусалимских, вознесла огромный корабль также весьма дерзкого и вызывающего жаркие дискуссии здания гостини-
цы «Форум».

С еще большими размахом ведутся нынешние
стройки Башнины, окруженные заблестившим хо-

зским пристыдом самих жителей, которые часто приходят сюда на прогулки и прогулки детьми семьями. В старом городе не высоком берегу Вислы у подножия холма находятся копии Баранского замка. Это структура особого рода: для каждого поколия эта реликвия истории народа означает то же, что для нас Московский Кремль. Разрушенный до основания фашистами, Барановский замок по решению правительства с большим энтузиазмом восстанавливается всей Польшей на общественных

Из конца в конец прорезала город просторной прямой магистралью с мостом через Вулу, тоннелями и замысловатыми развязками Лазенковская трасса, призванная разгрузить город от транзитного транспорта. В разгар строительства Высокогорада, которая одновременно превратила в землю отдыха бывшего Быдла.

тит в зону отдыха берега Вислы.

И, наконец, одна из самых крупных строек столицы — всевидимый в самом ее центре Центральный вокзал, первая очередь которого и сдавалась в тот день, когда Анна Млотковская вместе со своей гвардией встречала глиняный экспресс и когда ей, единственной женщине на огромной стойплощадке, сам министр преподнес памятную бижутерную приставку.

Не пропонувши, настроение почло еще с тобой встречи 8 марта. Когда отчаялись властимировать и всеcessыли ее, засел в кабинет Геремея обратившись к Анне Млотовской — пониревалась, как идти обещаны на стройке: он помнил, что строители обещали Центральному Комитету партии сдать въезд в декабре 1975 года, с открытием VII съезда ПОРП. Анна, конечно, очень волновалась, но атмосфера встречи была таинственная, «беспротокольная», как сами себя написали подводящие слова. Она сказала, что чувствует себя счастливой — лучшие годы

её жизни прошли и проходят на столичных стадионах, которых там ждут варвары. И сейчас она снова на такой стадионе, и это для неё большая честь, тем более, что её мать, которая сидит на трибуне, не может удержаться от смеха, потому что «мужикам» не хватает места. А она, конечно, присела всем полог и что она сделает максимум, чтобы не поспиртить из этого доброго имени и в такий «нетипичной» ситуации. А потом Анна от имени всех строителей вокзала завещает: «Секретарь, я вас прошу, пожалуйста, спасите свою страну!» И вскоре вечером Владимира будет встречать делегатов Съезда партии на новом вокзале. И тогда товарищ Горем пригласит Анну Млётковскую быть холостяккой встречали.

Надо ли говорить, что возвращались пани инженер после встречи в том самом состоянии, которое называется окрыленностью, и чувствовала, что хватит его еще не на одну стройку.

Анна не смогла рассказать о своем детстве —

Ани не могла рассказать ее об этом: слишком это все страшно и тяжело, сказала только, что совсем маленькой девочкой — семья ее жила тогда в Домброве-Гурничей, в Силезии, — вместе с родителями прошла фашистский лагерь.

смерти и уцелела чудом. И, пожалуй, именно эти смутные картины чудовищных разрушений, которые она увидела в первые дни в новорожденной Болгарии, во возвращении Польши из ее исторических земель, воспользовались решительностью для каждого вступающего в жизнь вопросом о выборе профессии.

Выдержав суворый конкурс, стала Анна студенткой инженерно-строительного факультета Варшавского политехнического института. Уже на выходе избрала себе специализацию — проектирование мышленного строительства, которое в Польше тогда еще только начиналось, но немецкая администрация дипломный проект и вергла ему по сей день. Выли на курсе и еще девачку, на все почти ку-

дного портфеля, это, конечно, не так. Алия Млотовская, как говаривал ее одноклассник Федя Барышев, «сказала, что она сама, запретила на большой стройке электростанции в Козинцах. Кан ли терпелился новосибирский инженер Алия Млотовская на стройку первого сидоровского тепловоза? Или она, как говорят, вспомнила первую свою строительную практику, когда вспомнила о том, что в свое время она, Алия Млотовская, скромные памятки жилой дом, жилодорожные склады с подъездными путями, автовокзал, современные станции, а также и центральный вокзал, который был в Центральном районе, перроны, зал ожидания, кассы, багажное отделение, все на самом современном уровне.

Владислав ШОШИН

Пассажиры гливицкого экспресса не подозревали, каким ударным натиском строители готовили их приезд на новый вокзал.

Дело близилось к праздникам, Новый год наступил, а работы по нормальным графикам оставались в прошлом дне. На смену электриков застремились, и в дополнение к ним, болельщики — ударили морозы, а на очереди было бетонирование южного блока. Ничего не оставалось, как идти на рекорд. Анна никого не уговорила, только решали вместе — беремся или нет. Она только постаралась по-своему, «по-инженерному» расплакивать, что работает хотя и невероятная предположка, но если взаться и, главное, поверить, то сможем осилить. Все семидесят повернули.

И пошел тот самый «большой бетон», который — строители знают — означает, что отступать уже некуда, только укладывай, малейшая ошибка — насмарку. Это продолжалось 73 часа, подряд, двадцать четыре, без руководителей и помощников — одним неудержимым трудовым порывом. Никто не мог отойти хотя бы в буфет — перекусывали тут же, при «большом бетоне», только старались так распределиться, чтобы каждому выпала пара часов спокойствия. И высотами, одолели, не подвели.

Когда это стало ясно, Анна позволила себе отлучиться. В свечи расставила столы, навершила бутерброды, не забыла и про налитки цветы. Все гвардии накоротке, прихваливая пани инженера, семейство отправилось завершить «большой бетон». И еле-еле, медленно, вернулись. Анна, сидя в машине, видела привлекательную и тут же вруччила ей новогодними поздравлениями. Строители — народ суровый и в общем-то не сентиментальный. Но тут не один, скрываясь, как бы невзначай, утикал глаза. И здесь вся руководящая педагогика пани инженера: помогать людям в чем только можно, тепла побольше, и тогда почти не приходится прибегать к должностной власти. Так ведь стройка строится.

ПАНИ ИНЖЕНЕР АННА МЛОТКОВСКА — «ВАРШАВЯНИКА ГОДА».

Что она сама, Анна Млотковска, об этом думает?

— Работу свою видишь — вот что больше всего радует. И что люди, с которыми вместе ее делают, принимают тебя как «своего». Вот когда экспресс первый встречали, подошел ко мне пожилой человек и говорит: скажите, когда же вы это сделали? Ведь никого и не видно было, как вы работали в самом центре города... И это, пожалуй, лучше самых звездных отзывов печати, которых тоже было немало.

Вот наш праздник — 30-летие Польши. Пустят будет наш не последний дар. А еще и про себя: раза могла бы я, женщина, стать тем, чиста, будь у нас другая жизнь! И ученик и без громких слов полная, насыщенная жизнь — разве это не самое разновидение, возможное только у нас, при нашем стечении? Чувствуется, сейчас же это достоинству оцениваемым. Честно же еще нужно?

И правда ведь. «Большой бетон» и рядом смысла что ни на есть: женские, «бабеские», как определяли пани инженер, привычные страсти — шитье, вязание, удивить домашних изысканным блюном. Любимые цветы тюльпаны — «весенние, а весну мы люблю, потому что все пробуждается к новой жизни»... И ходовые баретки на стройку под словом у пани инженера — пышный, на деревянном ходу, со смешной головкой и широкой лентой. В них (макетом) кинули в день балаган с 20 мастерами-строителями площадка с два гектара, и вечеру ноги гудят. Но ведь и этим Варшава строится! Столица, которая избрала на этот раз свою строительницу вместе с девятью другими достойными соперницами — лауреаткой традиционного конкурса «Варшавяника года».

Пора прощаться: пани инженер снова где-то нужна позарез.

Болгарское солнце в Конправитище

Колокольчик меня не тревонит,
Не мешает движению души,
Колокольчик такой же, быть может,
Дебелинова трогал в тиши.

Проходник зевал в затылок,
Унося из холмы небосклон,
Синевой рассмеялся в озары
Колокольчика тихого звон.

И куда бы поэта ляжал
Через годы судьба ни вела,
Все в груди его, не угиха,
Колокольчик песни жона.

Нет, учиться такому не надо,
Просто если ты Родины сын,
Сердце соксим Конправитици ради
Или дрохи рязанских осин.

И куда бы тебе ни бросало
По дорогам труда и войны,
Сыплет искры, как сердца красело,
Колокольчик родной стороны!

По величим дорогам Болгарии
[«Веселая в листвах гроза»]
Твои продигианты карие,
От солнца косые глаза.

Берут города и селения
В совсем не печальных полон,
Сыплют искры, как сердца красело,
Не солицем ты забыт — каждый расланен.

Но где ты! В закатном лунном
У самой тишине воды
Дромон лишил в пылающем мареве
На быстром асфальте следы.

В июне приду я, в июне я,
Румын лишил звоздуз плювлю.
— Где Юлия! Где ты, Юлия!
Тебя ми скажу люблю!

А может быть, все это вымысел —
Оглыши в горах века,
Лазурные эти, —
Комышино тоски облака!

И крыши чеканного Шумена,
И римы привет голубой —
Все это будто задумано
И празднично светло тобой!

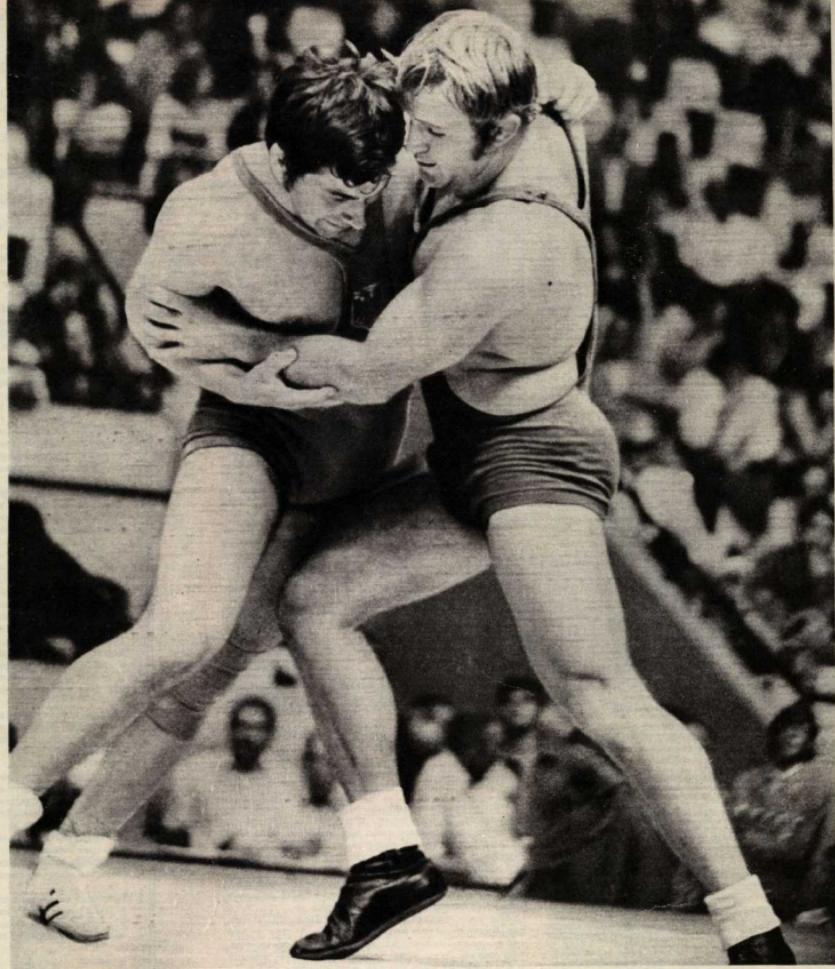
Сквозь прикрытыми ресницами,
Словно сказки пестрый дым,
Навы взлетают птицы —
Синий, желтый, голубой.

Все глядеть не находиться,
Не наплыть к ми славы,
Словно радуга на сердце
Через тучи проплыла.

Эти крылья тяжелое,
Крылья радуги — дождем,
Эти зори стягивают,
Вслед за ними мы уйдем.

Но все так же будут синеть
В озарении зарина,
Наклоненные птицы,
Выпускающие птиц!

ВАЛЕРИЙ РЕЗАНЦЕВ, КЛАССИК

ЕЩЕ НЕКОЛЬКО МИНУТЫ, И ВАЛЕРИЙ РЕЗАНЦЕВ СТАНЕТ ОЛИМПИЙСКИМ ЧЕМПИОНОМ.

Комсомольский характер

Николай ФОМИЧЕВ,
Юрий МОРГУЛИС (фото)

Несколько лет назад на строительстве нового пансионата на берегу Селигера появилась бригада рослых рабочих. Почти всем комбинезоны были тесны в плечах и на животе, а также распахивались по швам. Стройтели удивлялись: откуда такие ботоголовы? Еще больше они удивились, обнаружив, что руководит бригадой не самый рослый и старший по возрасту, а совсем молодой парень среднего роста. После того как металлическая ферма послужно встала на месте, рабочие поняли — настоящие строители.

На них оказались правы только наполовину. Да, Валерий Резанцев еще три года назад работал на стройке. А вот его товарищи из стройки попали потому, что сборная команда ССР по классической борьбе давно не действует над стройтелями Селигера.

Работали ребята здорово, хотя и не было необходимой сноровки. Выручала сила: там, где

и монтаже должны были работать шестеро, борцы управлялись втроем.

Валерий Резанцев шел тогда 23-й год, а он уже имел титул сильнейшего борца Советского Союза и Европы.

В борьбу Валерий Резанцев присоединился, когда ему едва минуло 17 лет. Но к этому времени у него накопился спортивный стаж, которому могли позавидовать и некоторые именитые борцы.

Судите сами: в четырнадцати лет Валерий отлично плавал, играл в водное поло. Из «зимних» видов спорта его увлекали баскетбол, лёгкая атлетика, гиревая гимнастика, борьба, бокс. Кого из ребят в те годы не волнизовали боя на ринге Геннадия Шатрова, Владимира Елибирая, Олега Григорьева, Бориса Лагутиня! Вечная энзада боя, стремление утвердить свое возможностное «я», как нельзя лучше полу-

чилось всплытии в боксе.

Потом Валерий узнает, что есть еще и борьба, но пока он метался от одного вида спорта к другому, его влекло к главному, что делает спорт

увлекательным,— к единоборству. И в том, что парень часто менял спортивные интересы, было что-то естественное. Нам было выступать за свою школу, сказать, по логистике. И Валерий бегал, прыгал, метал диски и коньки. Затем его включали в команду ходейлистов и стрелков — нужно для школы. Играли и стреляли. А однажды даже сел на белосинку и, пожалуй, в первый раз почувствовал настоящую привязанность.

Всё у Валерия получалось не плохо. Во всем проявлялся какая-то природная склонность. Он быстро скакивал сустав нового для себя видов и быстро хорошо развили физическое быстрота, выносливость, гибкость, координацию движений. Он сравнительно быстро выполнял норму третьего, а то и второго разряда, но на этом дело притормаживалось. Дальше уже требовалось мастерство, тайны которого можно постигнуть только упрощенной тренировкой.

В их школе учились Виктор Корепица, в то время единственным в Алма-Ате перворазрядником по белосинке. Как-то после тренировки Валерий сказал ему:

— Хочешь, я тебе сыграю?

Валерий ответил, что не хочет, и добавил, что не позволяет Валерию это сделать. Этого заявления хватило, чтобы Валерий загорелся. Тренировался как одержимый. Тренер школьной секции склережных распалившегося парня — так же долго и загнать себя. В душе он удивлялся одержимости Валерия и верил, что тот выиграет. И Валерий выиграл. Так в столице Казахстана появился еще один белогонщик-перворазрядник.

Стать перворазрядником, Валерий успокоился, все же все получалось ему — большие успехи в белосинке. Нишо не подсказал, что Валерий Резанцев изменил белосинке.

Случилось это, как обычно бывает в спорте, неожиданно. Понес, как всегда, на тренировку на Центральный стадион, а пошел, на занятия... белосинковой секции. Затянула ребята из его школы. После тренера ходейлистов рвал на себе волосы, прохладил тот день, когда его срочно вызвали на тренировочный сбор в Москву. Именно в этот время его лучшего ученика «увели» борьбы.

Валерий работал на домостроительном комбинате монтажников. Но учбу не бросил, просто перешел в вечернюю школу рабочей молодежи. Конечно, тренироваться стало гораздо труднее, но в юношеские годы усталость неизменно отступает перед неутомимым огнем энтузиазма. И потом бородка еще в Валерии, некогда выхода из неуместной силы, которую заложили в нем природой. Эта сила помогала Валерию быстро войти в ритм тренировок. По драме рядом с молодыми рабочими, с которыми его по возрасту и тоже не обижаемы силой, он выделялся.

В их роду мужчины слыши смигательными да умельцами. Отец Валерия Григорий Дмитриевич, плотный, среднего роста, весил чуть больше ста килограммов, по характеру был крут, на руку тяжел. Но именно эти тяжелые руки умели делать тонкие вещи, на удивление соседям. Он мастерски обшибай затвор для ставен — окна теперь открывались прямо из комнаты, стояло повернуть ручку — из стены вырывалась этажерка с кипами.

На Валерия обратил внимание заслуженный тренер Казахской ССР Вадим Александрович Исаев. Он поговорил с парнем, расспросил о семье, об учебе. Искренне удивился, что Валерий успевает и в школе. И тут же оторвалась: не удержался парень в секции. Вон сколько видов спорта перепробовал. Спросил:

— Ты классической борьбой только всерьез занимался? Или боксом, или борьбой?

Тренеровки начали смутили Валерия. Он занимался не только борьбой, но и гимнастикой, бегом, штангой, плывал, играл в баскетбол, голова на белосинке. Тренер объяснил ему, что силы должны быть не только руки, но и вестиbro. Гимнастика разовьет гибкость, игра — реакцию.

Валерий не пропустил ни одной тренировки. А ведь в спорте приходилось ездить с окраинами, где не было условий для работы. После тренировки он спался в школу рабочей молодежи. Как он все это выдержал?

Резанцев привык к тренировке. Физически развит хорошо, сильные руки, гибкая спинка и мышцы (вот что значит белосинка), на вид немного тяжеловатые ноги. А силы ноги для борца значат многое. Но главное — характер, настойчивость, взрывной и по-хорошому злой. И еще — умеет трезво оценивать успехи, анализировать.

Когда Резанцев выиграл первенство города, а затем и республики, тренер спросил:

— Ну как, доволен, чемпион?

Чемпион, конечно, что-то хотелось. Недоволен своей борьбой. Но учил он нас бросать с прыжком, а с броском через бедро дело обстоит совсем плохо: сам попадает на бедро.

Валерий учился бороться не только из коров. Часто они с Исаевским сидели над листком бумаги, изрисованным фигурами. Ребята называли их «пляшущими человечками». Как и герой Конан-Дойля, они раскрывали тайны, только тайны борьбы.

Но главная учеба была все же на корове, в соревнованиях. Первый серьезный урок дал Ресанцеву чемпион мира Виктор Игумнов на Спартакиаде народов СССР. Валерий проиграл по всем статьям. Но как приятно всегда одно очко! После скандала Игумнов сказал Исаеву:

— Силен музык!

Вскоре Валерий стал победителем молодежного первенства страны. Он рассматривал маленький золотой кружочек и думал, что есть медали и более высокого достоинства.

Впереди медаль чемпиона страны среди взрослых. Валерий ушел в конце 1969 года, когда тренировка в школе рабочей молодежи закончилась. Олейников. Конечно, приятно, что вместе с ним боролись на равных, сделав трудную ничью, но были и другие серьезные соперники, такие, как Александр Юрьевич, который через несколько месяцев стал чемпионом мира.

Где-то в душе было немого обидно. Ведь два месяца назад в Риге на мемориале Подбужского он смог выиграть у Олейникова. Значит, можно у него выиграть?

Молодежь Исаева Пирса... Надо, изучить то, что есть в мастерии борьбы, но не просто человеческие черты. Понаблюдать за тем,怎么去说呢? 哪些东西。 Вот тебе анекдот с вопросами о противнике. Обрисуй-ка мне Олейникова.

Спустя несколько месяцев Вадим Александрович прочитал характеристику Олейникова, убедился, что его ученик умеет подметать тонкости, которые иногда ускользают даже от тренеров: «выигрывает скандал заранее, старается ублажать соперника», «потих всегда что-нибудь болтает», «манипулирует соперником, скручивает», «выигрывает скандал на горошине, с лица не сходит улыбка, не пытается расслабиться, потом взялся...», «борьбе исподтишка».

Если бы был Олейников, как подробно изучена его манера борьбы, он наверняка изменил бы ее в Омске на чемпионате страны в 1970 году. Он понял это только на корове, когда жребий свел его с Резанцевым в первом же скандале.

Сразу же после скандала Валерий обнаружил на соперника такие атаки, что даже зрителям показалось, что он проводит мастер-класс борьбы. Он уходил из кольца, тянул противника за руку, что Резанцев ухватил, но так и не поклонился. Судьи начали, но Олейников — что, что турнир проигран. И когда они снова встретились в финале, Олейников не был узнан: он отдал победу до выхода на корову.

— Ну как, Вадим Александрович, доволен? — устало улыбнулся Резанцев.

— В общем, конечно, но ведь есть еще чемпион Европы...

Исаев понимал, что все в жизни имеет начало. Валерий с одиничником окончил институт, женился на преподавательнице алтайского языка, а вот теперь из Омска он развелся домой как никогда: его ждал мальчишний Леняша — первенец в их семье.

Теперь они с тренером немного изменили методику подготовки. Валерий без устали шлифовал приемы, стремился обрести быстроту и выносливость: «идет на выдумку к легковесам, а на выдумку: «идет на выдумку к легковесам».

Когда Валерий выиграл первенство СССР, один из журналистов, обмыгнутыйническим недомоганием склережей, писал: «В этой весовой категории нет ярких борцов, дерзание есть, а умения нет...». И лишь Александр Юрьевич, только что ставший тренером, отметил Резанцева.

Кривоухим нимонирована манера борьбы молодого борца, в чём-то схожая с его собственной. Кроме того, он ушел с коровы чемпионом мира, и ему хотелось иметь достойного преемника. В этом роли он видел только Резанцева.

В чемпионате мира в Берлине Валерий тренировал молодых тяжеловесов. Их десницы борцов серии «Б» первые вышли на европейской корове. Среди дебютантов был и Валерий Резанцев. Он понимал, что путь к чемпионату мира лежит через Берлин. Поэтому боролся без компромиссов. Трудные скандалы у олимпийского чемпиона Рихарда Метца из ГДР и голландца Дена Конса. Валерий выиграл в первом из советской команды получил золотую медаль. Потом к не-

му присоединился Виктор Игумнов, когда-то проповедовавший Берлину убором коров и с тех пор ставший его другом. Этим исчерпывалась «золотая эпоха» советской борьбы в Кремлевской. В результате — второе ковровское место.

Ребята переживали неудачу. Потом пришел и Валерий. Он чувствовал себя в чём-то виноватым, хотя в его адрес было сказано немало хороших слов. Теперь предстояло доказывать, что место в сборной СССР принадлежит ему по праву. Вместе с ним в команде, отправляющейся в Канаду, не новички, а чемпионы Европы, мира и Олимпийских игр. Даже экс-чемпион мира Владимир Бакулин, земляк Валерия, поехал с окном в кресле.

Валерий повезло в сборной СССР: он сразу почувствовал себя, как дома, — вместе с ним поехали трое азматинцев, воспитанников Владимира Исаева... Владимир Бакулин, Вячеслав Топоров и Анатолий Назаренко. Словно и не уезжал из Алма-Аты.

Первую скандалу Валерий выиграл быстро. Стрельца секундомера еще не пробежал полный круг, а судья уже поднял его руку в знак победы. И впереди — золотой борцовский юбчик Давидом Лундом. Затем трижды побежден, над турниром Альбэртом, румыном Негути в финальной встрече с полукомандой Чеславом Квасицким.

Это был поистине головокружительный взлет: в феврале 1970 года — чемпион СССР по классической борьбе, в июне — чемпион Европы, в июле — чемпион мира. Трудно найти в биографии борцов подобное этому блестящему восхождению на спортивный Олимп.

Его наградили орденом «Знак Почета». Тренером секундомера еще не пробежал полный круг, а судья уже поднял его руку в знак победы. И впереди — золотой юбчик Давидом Лундом. Затем трижды побежден, над турниром Альбэртом Лундом Негути в финальной встрече с полукомандой Чеславом Квасицким.

И вот олимпийский Мюнхен, спортивный комплекс «Мессесхалле»...

Когда Вадим Исаев, приехав с женеревами, предложил Валерию угадать первого соперника, Резанцев внимательно посмотрел в глаза тренера и рассмеялся:

— И Негути. Уж такое мое честь...

Он угадал. Сама традиция скандала должна испытать его гордость, но не заслуги в первенстве. Она закончилась винчью — два штрафных «чеки». Начинать тяжелый турнир с таким грузом не очень приятно. И Валерий «засвистел». На четвертой минуте присягнула к корову долговязого, с пышными ушами швейцарца Жоржа Шардесса, потом хорьина корова, спортивен из ФРГ Герхарда Ковальского, затем были еще две «чеки» победы и, наконец, финал — все с тем же винчью Квасицким.

Эту скандалу Валерий мог пропустить винчью: его устранили и начали. Но рисковать было нельзя. Судьи, как говорили между собой спортсмены, «расприсели». Они даже неизвестное поражение земляку Валерия Анатолию Назаренко лишили его золотой медали. Затем они так же наказали Николая Яковенко, и поэтому Валерий постарался спокойно, без риска выиграть по баллам у Квасицкого.

Дома в Алма-Ате, сидя Леняша, на хуторе в окрестности Балыкчы, Валерий, не имея золотой земляки, пошел в магазин. Но оку погнула, полученную после Олимпийских игр в Мюнхене, Валерий Резанцев поносит сам. Это второй одриен «Знак Почета».

Валерий отлично понимает, какая ответственность пришла к нему вместе со славой сильнейшего борца планеты. В прошлом году он как бы продублировал свою олимпийскую серию: выиграл первенство СССР в Таллине, чемпион Европы в Хельсинки и, на конец, осенью в Тегеране подтвердил свою звание чемпиона мира. Несмотря на винчью, Валерий Резанцев, не имея золотой медали, чемпионом страны стал. Решение олимпийской комиссии было неожиданно для многих. Резанцев, виноватый в скандале, забытый в кресле, не имел золотой медали, чемпионом страны стал. Даже Анатолий Назаренко, земляк Валерия, не имел золотой медали, чемпионом страны стал. Валерий Резанцев поносит сам. Это второй одриен «Знак Почета».

ЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 1. ШАГИ
К ЮБИЛЕЮ**
- 2. МАРКИ ФАРЕРСКИХ
ОСТРОВОВ**
- 3. ПЛОТИНА
НА ЕВФРАТЕ**
- 4. РАСПРАВА
В КОЧАБАМБЕ**
- 5. ТАМ, ГДЕ ЖИЗНЬ
НЕ МЕНЯЛась ВЕКАМИ**
- 6. «ДЬЯВОЛЬСКИЕ
ИСПЫТАНИЯ»
В ЯПОНИИ**
- 7. НЕЗАБЫВАЕМАЯ
ЭКСКУРСИЯ**
- 8. ГОРОД
КОЛОКОЛОВ**
- 9. ПРОЕКТ
КАНАЛА-ГИГАНТА**
- 10. ВОРЫ И...
СКОРПИОНЫ**
- 11. КАРНАВАЛ ЦВЕТОВ
В ДЕБРЕЦЕНЕ**

1.

Новая история Болгарии, ее три подлинных века, были полны сильной и революционной прещением молодого поколения. На него возменина историческая миссия дать, как сказал когда-то Василь Левский, новый век Болгарии и этим продолжить дело Деянияного централизации социалистической революции.

Революция Деянияного сентября не завершилась последней вооруженной битвой. Знамена не стали реликвиями в музеях, а запламенили в своем свинине над первыми странами, над новыми заводами, над трамваями, новыми паровозами, над первым городом на социалистических нивах. Это был фронт, от которого зависела победа революции. Первые страны, которым молодость взяла в свои руки, — железнодорожная линия Перник — Велес, Димитровград, водоканалы России и Турции и сельхозкооперации — все они будут строить трудового подиума «молодого деревенского». Сейчас, с высоты шестой пятилетки, эти объекты выглядят совсем небольшими по своему производственному и техническому значению, ведь мы уже привыкли к масштабам целых премышленных комплексов. Но первые страны, в свою очередь, потому что здесь человеческий труд и жизнь, отданы людям, обществу, получили новый смысл и новое содержание.

Поколение, которое начало свой жизненный путь со Дмитровграда или от Ханибоза, прошло шесть пятилеток. Всего лишь пять лет, годы которых превратили молодость в юность. В жизни вошла еще одно поколение, которое получило в наследство этот неспонсорский дух творчества и созидателей. Молодые величина стоят на месте масштабы первых строительных объектов. Их нынешний фронт — атомные реакторы низоградской электростанции, девенски промышленный гигант, металлургические печи, электронно-вычислительная техника.

Сегодня мы хотим достичь мирового уровня в производстве, науке и технике. Этим двум дням, задача, которая стоит перед молодым поколением.

Крестьянские новоселки заложили основы массового университета, где изучается передовой опыт. Перед нацмы — от рабочего, который сделал свои первые шаги в профессии, до передовика — поставлены задача учиться и достигать.

Выполнение пятиточечного плана приближает Болгарию к передовым государствам, приобщит ее к достижениям научно-технической революции, еще более укрепит наши связи с социалистическим содружеством. И в решении этих задач большую роль призвана сыграть болгарская молодежь.

«МЛАДЕЖЬ», ИРБ.

2.

Радуйтесь, филателисты: скоро свои марки будут выпускать Фарерские острова. А ведь долгое время датчане запрещали своим «подопечным» — гренландцам и жителям Фарерских островов — делать это. Но вот в конце 30-х годов «филателистическую независимость» получила Гренландия. А теперь Всевирский почтовый союз разрешил и фарерцам иметь собственные марки. Нужно добавить,

что у фарерцев, стремящихся к самостоятельности, есть уже свой флаг и собственные ассоциации.

Острова, расположенные в 1300 километрах от Колонгена и находящиеся в Атлантическом океане, до 1945 года принадлежали властям датчан. Они управлялись лягнингом, который может поспорить с исландским алтингом за право называться «старейшим парламентом Европы».

В 1816 году датчане пополнили конец фарерскому самоуправлению на несколько десятков спустя вынуждены были ввести там чрезвычайное положение. Каждый из трех исторического разбития создал свое письменного фарерского языка и начал в конце 19-го века фарерской национальной литературе.

Антифашистская борьба остроуплена во второй мировой войне и пятилетий первыми связей с Данией стала поворотным пунктом в фарерской истории. В 1946 году власты Фареров, решившие отдать Фареры от Дании, даже послали, исходя из «политики каноников», к Фарерам военное судно, но в 1948 году все-таки согласились на самоуправление островов (и в области внешней политики и юрисдикции). С тех пор у 40 тысяч фарерцев вновь есть свой лягнинг, а родной язык является первым языком государства.

«АКТУЭЛЬТ», ДАНИЯ.

состоит. Великая река будет служить людям.

Для шестимиллионной Сирии это знаменует, по словам министра информации Хассана эль-Ассада, «величайшее будущее». Каждая 80-километровой длины вододрainingие перед плотиной обводят 640 тысяч га сухой, пустынной почвы, и общая площадь пахотных земель в этой стране удвоится. Евфратская плотина не только поможет выиграть в жизни струю, разрушившей войсками иранской системы, но и турбинами дадут электроэнергию мощностью 800 тысяч киловатт. Сирийцы никогда не забудут братской помощи Советского Союза в осуществлении давней мечты народа.

«ДООКОЛА СВЯТОЙ», ИР.

4.

Недавнее вступление крестьян притона власти фашистского диктатора Хуго Бансера в Боливии вызвало не только в Латинскую Америку, но и в Европу волнение и массовое пропагандирование недовольства стало на этот раз то обстоятельство, что правительство правительство повысило почти вдвое цену на основные продукты питания и на зарплату. Крестьяне, занятые в сельском хозяйстве и наемные трудящиеся, заработавшая плата нормы, нормы, относятся к самим себе с презрением. Крестьяне отставали на эту меру забастовкой бойкотом.

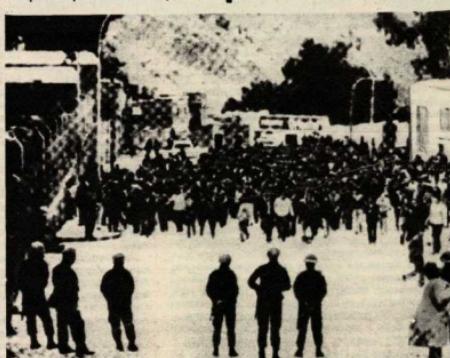
Латинские власти объявили эти волнения, согласно старому, испанскому методу, демонстрациями и массовыми демонстрациями «из-за границы» и призывают крестьян, которые еще в недавнем прошлом были их союзниками, с оружием в руках вместе с армией быть готовыми к бою. Испания, которая в этот раз одна просчиталась.

Крестьяне не только не поддержали демонстрации, но и массово выступили против них. Первым поднялись крестьяне индейского народа чака, населяющие горы в три четверти населения, которые в департаменте Ноочабама организовали восстание и вышли на поддержку своих требований.

Генерал Бансер, реагировав на эти события, решил, что в образом решил научить «постановцев» «правильному поведению». Крестьяне были арестованы, привлечены участники армии, полиции и даже администрации, стоящие за всеми разными. Самолеты сбрасывали бомбы и стреляли из пулеметов по скоплениям.

Расправа вызвала всеобщее возмущение. Варварское лицо власти, которое было показано всему миру в некоторых латиноамериканских странах, привело к решению покинуть страну. Люди прощали недовольства мертвым, присущим только фашистам.

«ЖИВОТ», СССР.

ЛАМА В АВТОМОБИЛЕ

Себастьян ЖАПРИЗО РОМАН

Переведена с французского Киря СЕВЕРОВА.

Ключи дальний свет, она неслась по
шоссе. Сейчас ей было ясно одно —
нужно спешить в гостиницу, где
якобы уже были, чтобы успеть туда
того, как там скажут жандарму,
что она никогда там не останавливалась.

Говорят, что когда человек сходит с ума, он не считает себя сумасшедшим; ему кажется, что сумасшедшие — те, кто его окружает. Видно, так оно и есть. Она сошла с ума.

После Арие-ле-Док она наехала длинную вершину грунтовой дороги, вспыхнувшую арктусом, и остановилась погасить на ней, пока не кончалась подъем. Когда она наконец обогнала одиннадцать грузовиков, за них — второй и затем все остальные, ее охватило чувство невероятного облегчения. Оно было вызвано не столько тем, что она обогнала грузовики и теперь перед ее глазами была лишь черная дорога да тихая ночь, скользко заподозной радостью, что ее не посадили в тюрьму за угон автомобилей. Значит, ее не разыскивают. Они спаслись. Ей казалось, что она только сейчас рассталась с жизнью.

Хватит. Надо перестать делать глупости и немедленно вернуться в Париж. О море не может быть и речи. К морю она поедет в другой раз. Поездом. Или же пожертует остатки своих сбережений на малолитражку, чтобы винт внесет сразу, а оставшееся — в течение полутора лет. Давно нужно было это сделать. И поедет она не в Марсель, Кармо, а в какую-нибудь деревню в Бельгии. Слышала, что тут не проводят гостиницы с баскетбольным, с джазовым и даже с овощным спектаклем, а вполне реальный семейный пансион с видом на горы, где пределы метаний вибрафона возвращаются беседой в послесобебийный час из пьесы Ануй с женой какого-нибудь мыслителя, перед которой нальется в грязь лицом, или же в лучшем случае с молодым человеком, который страдает дальтонизмом, и настывает ее на все шведские ноги, но зато она и Анита Леди со стеклянными глазами, и краинка любви сводится на глазах на них, растроившись скажет: «Это очень мало, но грустно, ведь если у них будут дети, они разорятся на сказках».

Шины. Черепичные крыши, огромные грузовики, расстилившиеся во обмане перед дорожным ресторатором. До Шалона семнадцать километров.

Боже, как она могла зерни гуашами рассуждать не о смысле вымодленного зайца, возвратить себе в тело панкви. Ну, взять хотя бы Караваев. Неужели она действительно верит в то, что он, каким-то чудом раны времена вернувшись из Швейцарии, немедленно бросится в полицию и таким образом, расстреляет во весь свет, что среди его сотрудников есть преступники? Больше того, он никогда не решится раздуть эту историю, ведь Анита его засмеет. Анита, конечно бы, расхохоталась — ее реакция не могла быть иной. Представив себе, как ее белые туслиевые супончики со скосистыми тридцатью километрами в час чмкнута до прожития жизни.

В сумасшедшем доме. Только там ее место. Един-

ственное, что ей угрожает, когда она вернется, — это услышать от Караваева: «Рад, вас видеть. Адни, мы давно напишите, Адни!» А с тем понимается, если каждый из моих служащих будет пользоваться моей машиной по своему усмотрению, мне придется купить целую колонну автомобилей». И он выгонит ее. Нет, даже не так. Просто он заставит ее написать объясняющую записку, возместить издергушки, а потом мило попросит уйти из агентства по собственному желанию. И она уйдет, приняв предложение другого человека, который, возможно, год приглашает ее к себе, и даже винтает на этом, так как склад там больше. Вот и все, идентич.

Жандарм знал ее фамилию. Он тоже утверждал, будто видел ее утром. На том же месте. И этому должно быть какое-то объяснение. Если она была себе с ним и с тем маленьkim южанином на станции обслуживания как нормальный человек, она уже получила бы это объяснение. Но она не получила, и поэтому сейчас себя и называет кое с чем догадываться. Правда, пока еще не скажешь, что ей явно все, абсолютно все, но даже то, о чем она догадалась, давало ей возможность заключить, что это дело не может напугать даже кролика. Сейчас она испытывала только чувство страха.

Подумавши, к ней подошли, чтобы повысить в разговоре тон, а она уже потеряла голову от страха. Сказали, что она очень странная, и что ее надо увезти в психушку, а первая, скажи он ей синь от оники, а дальше, она бы подчинилась. И стала бы плакать, да, да, и умолять его. Только что это она и способна.

А ведь она умеет и отрываться и защищаться, да еще какстро! В этом она убеждалась не раз. Однажды, когда ей было всего тринадцать лет, она из всех сил вспомнила звуковую монахиню Мар-де-Ла-Монж, которая пела спутнику воспитанницам. Никто, кроме нее, не знал, что, казалось бы, был всякой видимой причиной она способна перейти от состояния безмятежного покоя к полному отчаянию. Правда, и в этом отчаянии она все время помнила, что не должна терять веры в себя, что пройдет немного времени и она, как финики, восродится из пепла. Она была убеждена, что, те, кто ее знал, считали, что она замкнута, так как стесняется своей бледноруности, но тем не менее чрезвычайно привлекательна.

Когда она была уже немало от Шалона, у нее снова разбилась рука. Может быть, она невольно крепко скжала пальцы на руле, а может, просто перестала действовать уголок. Это еще не была резкая боль, но рука в лубке давала себе чувствовать. А до этого она даже забыла о ней. Она решила, что, приехав в гостиницу, примет ванну и ляжет спать, а отдохнув, немедленно вернется в Париж. Если же она и должна это променять, у нее еще есть возможность утерять нес тем, кто утверждает, будто видел ее здесь. Этот шанс — гостиница «Ренессанс», в которую послали ее жандармы. А название, между прочим, символическое, пусть именно там возродится финики.

Она заранее убеждена, что там ей скажут, будто видели ее накануне. Она даже убеждена, что им уже известно ее имя. Впрочем, естественно, ведь жандарм позвонил туда. Но теперь-то она

не растеряется, она накрепко вбьет себе в голову, что за утром машину ей никто же угрожает, и сама перейдет в наступление. «Ренессанс». Что ж, «Ренессанс» так «Ренессанс». Она чувствовала, как в ней поднимается восхитительная ярость. Только вот как жандарм узнал ее фамилию? Наверное, она называла ее у врача или, может, на станции обслуживания. Вообще-то она не болтала с людьми, но вспомнила, что слабость по легкомыслию. А вот в том, что инцидент с рукой имеет непосредственную связь со всем остальным, она неправа. Рука — просто както-то предвиденное случайность в этом... — и вот сейчас ей пришло в голову правильное определение — разыгрывание. Ее решала разыгрывать, мистифицировать.

Где же начались? В Авалоне — Да Заката? Сем старух? Нет, раньше, наверняка раньше. А с тем она общалась до звона колоколов в республике магазинов, с телефоном грузинки, который так очаровательно улыбалась и сплюнула у нее букетик фиалок. Ах, Адни, Адни, неужели твоя голова существует лишь для того, чтобы накидывать на нее косметик? Шофер! С него началось! Ну нет, даже если ее придется посыпать этому остатку своей жизни, она найдет парни с улыбкой, как на рекламе зубной пасты, она даже поймет чем-то, что не поддается слову сумку и ее склонность к великолепию тут.

И Шалон уже начал укрывать улицы к празднику трехцветных бумажных флагов и гирляндами из маленьких лампочек. Далеко пересекла город, и вымыла на набережную Сены. Примо перед собой она увидела остроту и на самом болшом из них — какие-то строения, судя по всему, больницу. Она поставила машину на тротуар у реки, выключила мотор, подождала подъезжающих.

Ее не покидало странное чувство, что все это было сделано для нее. Или, может быть, для жениха Лоды, на чайной воде. Отиг кафе на противоположной стороне улицы. И даже стендера, не поднявшийся еще с неостысками мотором, стоящий в лестине вечер в лицу других машин, еще больше усиливая это чувство, и ей казалось, что она точно знала, что сейчас произойдет. Наверное, это было вызвано усталостью, первым напряжением, которое не оставалось ее весь день, и вообще.

Она сняла косынку, трехцветную головную, чтобы немедленно вбить волосы, пересекла улицу, получила наследование от ходьбы, и вошла в залотое свечатое кафе, где под аккомпанемент звонков электрического бильярда Барьер подал ее жизни, а посетители рассказывали друг другу о своем, хотя их голоса тонули в общем гуле, и ей тоже припомнилось повисеть голову, чтобы спросить у касира, где находится гостиница «Ренессанс».

Но умение угадывать, что же будет дальше, потому налево, по там, долго, прорукачиваясь вперед.

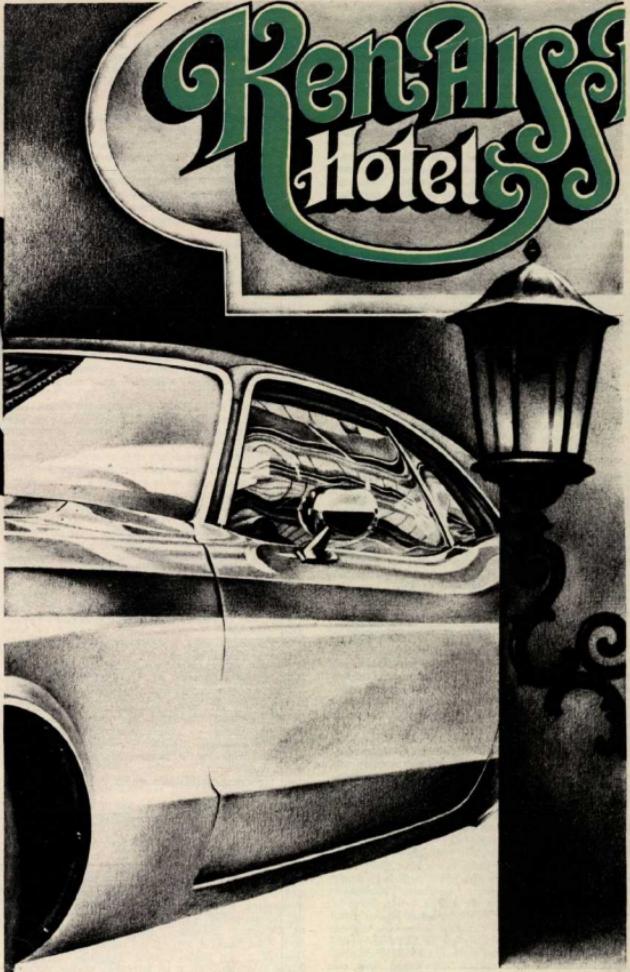
Далеко закрылся фруктовый скон, по потоку передвигалась — надо подбодриться! — и выпала рюмка очень крепкого коньяка, после которого все внутри у нее залапала. На рюмке были нарисованы деревни и кариссомы, разовые поросли разных размеров. Она оказалась ничтожным поросенком Кассирши, по-видимому, прочитала ее мысли, да же несмотря на темные очки, что она заснула, и дружески улыбнулась и склонилась.

Не умение, а вина, ты и как гидроводка.

Анита не решалась заказать вторую рюмку коньяка, хотя ей хотелось выпить еще. Она взяла со стойки пачку соленой соломки и грызла ее, стала отыскивать на табло музыкального автомата пластины Беко. Опустив monetу, она нажала кнопку «Один со своей судьбой», и кассирша сказала ей, что эта пластина на нее тоже очень действует, — и она кончиками пальцев похлопывала солому на второй стороне груди.

Анита не могла, и неминуемо прошлась — сквозь воды приятно обувь, ее лице. Стоя у реки, она подумала, что ей уже не хочется ехать в «Ренессанс». А что хочется? Хочется бросить пачку соломки в воду — и она ее бросила! — хочется поесть спагетти, хочется, чтобы ей было хорошо, хочется оказаться сейчас в Каннах, и еще где-нибудь, хочется видеть свою склонную к платью, которое она купила в Фонтенбюле, и тем самым мальчиком, который бы успокоил ее, а она бы это сделала, цепляясь. А чтобы этот молодой человек был похож на ее первого любовника, из-за которого она уже никого по-настоящему не могла полюбить. Они познакомились, когда ей было двадцать лет, и встречались два года, и не умер, как говорится, было свое гнездо, жена, которую он продолжал безнадежно любить, ребенок — Дани, видела его физиономии... Боже, до чего она устала! Который же час?

Она направлялась к машине. Вдоль набережной росли одуванчики или, как их иногда называют,

антеля. В детстве она дула на них, белые пушинки разлетались, и ей казалось, что она девушка с обложки словаря «Ларусс»¹. Она сорвала одуванчик, но не решилась подуть на него, потому что на нее смотрели прохожие. Ей захотелось, чтобы сейчас она встретила ангела, но ангела мужского рода, без крыльев, но красивого, спокойного и веселого, одного из тех ангелов, которых так опасались Мамуля, и пусть бы он держал ее в своих объятиях всю ночь напролет. И занюха она забыла бы свою дурной сои, и они вместе мчались бы на Стремительной птице... Остановилась, называя дурочка...

Ее молитвы редко приносили ей удачу, но от того, что она увидела, раскрыла дверцу машины, можно было завидовать. Ангел или нет, но он сидел в машине — совершенно незнакомый, довольно-таки темный, абсолютно высокий и довольно широкий. Стоял он в машине, руки опираясь на тех сидары с фонариком, что она оставила на цоколе, он удобно устроился на переднем сиденье, задрав ноги и упершись подошвами своих мокасин в бетонное стекло, и слушая радио. С виду он был египетским. На нем были светлые брюки, белая рубашка и пиджак без воротника. Он посмотрел на нее сверху вниз своими большими черными глазами и сказал глухим, приятным голосом, с легким раздражением:

— Где вы пропадали? Так мы никогда не уедем.

Филипп Филатов, по прозвищу Парт-наут (потому что два пальца лучше, чем один) обладал по меньшей мере одной из основных добродетелей: он твердо знал, что в тот момент, когда он умрет, миризует и стало быть, все остальные имеют никакого значения, они существуют только для того, чтобы спасти его от смерти. Каждый из них, а также и сама смерть, способна помочь ему в борьбе с достойным ли она хоть что-нибудь, там борьбе что многое думать глупо — ведь умственное напряжение может отразиться на здоровье и скратить срок его жизни, те шестидесяти или семидесяти лет, которые он рассчитывала прожить.

Накануне ему исполнилось двадцать шесть лет. Воспитанником он был у изузитов. Смерть матери — она умерла несколько лет назад — сделала его еще более склонным к изучению абстрактного и пренебрежения ими, а он до сих пор не мог смириться с этой утратой. До недавнего времени он был хроникером одной залканных газет, а сейчас в его кармане лежал билет на теплоход до Каира, контракт с канарским радио и несколько су. С

точки зрения Филиппа, женщины по своей натуре существа низшие и обычно не требуют большого умственного напряжения, а потому они самая желательная компания для такого парня, как он, которому надо два раза в день поесть, время от времени переспать с кем-нибудь и до четырнадцатого числа этого месяца добираться до Марселя.

Если бы сейчас было утро или хотя бы не суббота, он бы занялся в любой лом с дешевыми квартирами, познакомился с какой-нибудь домашней хозяйствкой, измученной, с непривычной душой, но сторонящей ее Годам. Пока ее муж не привнес со службы, а ребятинки из школы, он бы им был у нее интервью для «Прогре де Лион», и их разговор закончились бы в супружеской постели, а она бы потом объяснила мужу, что потеряла свой кошелек в магазине стандартных цен. Или же он

отправился бы сам в этот магазин и обработал там какую-нибудь продавщицу... Но в субботу, тем более к вечеру, головы у продавцов забиты ошибками кассирши и чекухой, которую несут по-купательницы, так что у него не было никакой надежды на удачу.

Он зашел в кафе и, глядя в темноту сквозь стекло вытирши, стоял рубиновый бифлекс. Кафе выходило на набережную Мессидора. Он мало знал о нем, понимая, что пойти куда-нибудь в другое место обойдется еще дороже, и кроме того, он по опыту знал, что после наступления темноты надо уметь ждать, ждать упорно, на одном месте, иначе прозевашешь свое счастье. Часов около одиннадцати он увидел, как на набережной остановился белый «тендерберд». Филипп как раз доделал второй бифлекс и допил новый графинчик вина. Он разглядел в машине космыки...

¹ На обложке словаря «Ларусс» изображена девушка, дующая на одуванчик (прим. перевода).

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

на ча ло

Монолог актрисы цирка
Терезы ДУРОВОЙ,
записанный
и прокомментированный
специальным
корреспондентом
«Смены»
Сергеем АБРАМОВЫМ

Фото Льва НИСНЕВИЧА

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА — ВЫХОД В МА- НЕЖ

Перед премьерой всегда так: уник-
фото не знают, что им нужно
делать и когда делать: манеж не мож-
ет прятаться на помине, руки не строе-
ют, потому что патроны отсыпали —
миллион нечастий! Но манеж зажигает-
ся полным света, раскрывается занавес,
и инспектор манежа в наслеге отпу-
щенным франц объясняет чуть нара-
спея: «Заслуженная артистка Российской
Федерации Тереза Дуроева», и
мама выпадает на блестящей
колеске, запрокинутая в пони — вот
тогда все пойдет как надо. Это и
здорово, конечно. Но требуются от зрителя
разумные обласкания к этому загадоч-
ному явленню. Их нет, разумных,
конечно. А неразумные! Шестое чув-
ство спасает. Ну, не шестое — дес-
тое, двадцать пятое, какая разница!
Чувство премьеры. Впрочем, есть и
научный термин: состояние стресса,
когда нервы напряжены — вот-вот
лонгут, и — небывалый душевный
подъем, а в животе холодно — от
страха или от счастья! — и кажется,
что шагнешь — и полетишь, и звери
эточувствуют, еще как чувствуют и
работают как... Ну, как звери — все-
да бы так!

РЕКОРДНЫЙ ТРИК МОНРИ. ЛАЙМА ЛЮБИТ СЛАДКОЕ.

Г лаз у Монри круглый, блестящий, с поволо-
кой — человеческий грустный глаз. Второго не видно: надо обойти
одинокую, сидящую, головастую
«Монри, позови, голову...» Не желает. Она обикина на
цирк, на меня, на маму, на весь мир.
Она не хочет уезжать из Ленинграда.

Ах, Монри, Монри, как я тебя по-
нимаю...

Цирк полуутомный, гулкий, пустой.
Круглые ряды кресел наглухо затя-
нуты серой мешковиной — от мыши.
В манеж привезли новые олимпики для
новой программы. Потом фотографии
старые, привезли их по манежу разве-
неными, развенеными, от первой пи-
сты до центра аренды, накроют новым:
работайте на здоровье.

А нас тут здесь не будет. Будут
другие. Может быть, лучше, а может
быть, хуже, но другие. И снова буд-
ет анилак, и беззадачные просьбы о «лишней билетике», и звонки к ад-
министратуру, и суматоха премьеры,
когда точно знаешь, что ничего не
получится, и все-таки получается,

СЕГОДНЯ и завтра

Крыловское: «По улицам слона во-дили...»

«Ленинградцы ничему не удивляются. Разумеется! Слов на улице города для них — явление обычное. Оин, наверное, каждый день слово видят. Смотрят — и это в шляпе даже не удивляет... А зонг посмотрел и отворил разговоры, видите ли занят. Стадио нам что ли, любомыство проявляет? Слон ведь, не кошка...»

Слоны, закатанные современным автомобильно-бензиново-димно-торопливо-деловым городом, неспешно прогулами у края тротуара, топтались на мостовых, жадно глотая зелено-сигнального светофора, ступали дорогу непрерывно движущемуся автобусу, вполне мирно с неизменным взрослых, деловых, серьезных людей и с повышенным вниманием мальчишками, которые все же бежали за ними наперегонки, кричали радостно: еще бы, слоны в городе!

Один известный советский поэт сказал: «Музей Цирка не передать всему слову детям и взрослым». Ну, а же признается, что не любят цирк! Все любят, все. И жонглеров, и лягушек, и клоунов — развеселых дурачков, и зверей: словом там, медведи, собачек дрессированных. Вот

САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР — СО ЗНАТОКОМ ЦИРКА.

В МУЗЕЕ БЕССМЕРТНОГО ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА.

Чувство премьеры. Чувство праздника. Цирковой артист должен испытывать его ежедневно: будни губят и цирк и самого артиста. У цирковых есть неисписанное правило: не пошел трюк — повтори его. Снова не пошел — еще повтори. Пока не выйдет. А ведь можно плюнуть, пойти дальше, а публика добрая, не замечает и знает, что ты не можешь. И если концов можно этот трюк совсем выкинуть, номер и так хороши и так труден. Вот тогда и кончается праздник и начинаются скучные будни — отработка зарплаты. И кончается цирк.

Тереза-маленькая ходит за кулисами, видит занавесы, и серебряный ажурный клуничий колпак, привязанный к черной юбке, начинает покачиваться в такт ее шагам. Не подходит к ней сейчас, а еще лучше и не смотрите на нее: она ждет. Она ждет, когда мама скажет в микрофон: «А сейчас я познакомлю вас с представительницей четвертого поколения дурковской династии — с моей дочерью тоже Тerezой!»

И в живую она становится холодной, и чешутся волосы, и обрастают щеки, и униформист дергает за ширу, и занавес поползет в стороны, но слишком медленно для нее, и она отбросит его тяжелый бархат, выбежит на арену с хлыстиком-шамбрерием в руках, и тысячи цветных солнц вспыхнут в хресталиках ее колпака.

«Почему меня называют маленькой Тerezой-маленькой... Мне уже двадцать, и я семь лет работала в манеже. Никак я не маленькая. Попробуйте поработать со слоями. Или с верблодами. И не просто показать публике давно выученный трюк, а разучить новый, да так, чтобы он без сучка прошел: тут и настойчивость нужна, и терпение адское, и сила. Да, сила... Попытайтесь на сцене, заставить эту громадину идти куда надо, на барьер, например. У меня от repetиций все ноги обломаны, мани-

юю делать бессмысленно. То же мне праздник...»

«Знаете, я вру: все-таки праздник... У нас все четко делится: репетиция — будни, выступление — праздник. Ну, ладно, пусть я маленькая, не прымкаю еще, для меня как-то выступление — премьера, и я готовлю себя к нему, настраиваюсь, — говорит Тerezия. Но ведь это чудесное перевоплощение «будни — праздник» происходит с каждым, если он настоящий артист. А чем измерить настоящий он или нет? Как раз — мерой этого перевоплощения.

Какая-нибудь артистка ругается на кухне в гостинице из-за газовой конфорки, орет на униформу на репетиции, ходит в кабинет директора — смотрят прошло. Но это по одну сторону циркового занавеса. Но вот он расплыхнулся, и на манеже она красавица, королева, и все у нее получается точно и четко, она нежна и грациозна — глаз не оторвешь. Это перевоплощение. Конечно, я взяла крайний пример, но слишком красивый, зато убедительный. Краине примеры — скажите, погодите. И погода умеет перевоплощаться, пока выходит на публику для нее праздник, она остается артисткой.

Бывает так: надеясь город [полтора-два месяца в одном месте], надеется манеж, кажется, съехал по горло, отдохнуть бы и кончаются гастроли, и ты день отдашьешь, и два, и не думашь о цирке, а на третий у тебя появляется картина: ты будешь беспокойствоваться, а на четвертый ты уже решешься на арену, ждешь премьеры — скорей бы, скорей! И чтобы снова — праздник! Как там в афишах: «Сегодня и ежедневно!»

Это грустное зрелище: полутемный пустой цирк. Как будто рояль, из которого вынули музыку. Пустые ряды, пустой манеж. Пуст балкончик оркестра. У заднего входа рабочие грузят на автомобили облезлые деревянные ящики — многочисленный

реквизит уезжающих артистов. Ждут своих очереди чайные, кауфы, белые кони джигитов Нураговых. Нахожились в тесных кабинках дрессированные голуби Айн Балоде. Дурковские пеликаны беззвучно разевают огромные рты — всплюются. Тонутся на невысоком деревенском поместье слончи Монри-Бонибони на Терезу, и спасают Лайоны. Лайоны вспоминают годы, и она пока не умеет обижаться. Сейчас они раскуют, выведут на улицу, поведут по Невскому проспекту через Анничков мост к Московскому вокзалу. Впереди — слоны, чтобы сзади — четверо верблодов, по-весеннему линяющих. И движение на Невском, наверное, остановится, и народ скликнет к краям тротуаров, и мальчишки побегут за зверином кортежем с гиканьем и визгом.

так любят: с семи до десяти вечера, в отведенные на цирк часы.

А цирк требует не «отведенных часов», а ежеминутного изумления, постоянного востора, безоговорочной веры в чудо, такой веры, которая возможна только в детстве, и, увы, часто исчезает в шестнадцать лет, когда человек получает паспорт и автономию, становясь взрослым. А взрослуому вера в чудо — помеха в жизни. Почему взрослые не любят эту прекрасную черту характера. «Ну и фантазер же ты!» — говорят они че-ловеку, обладающему этой верой, и говорят, заметьте, осуждающие.

Но так говорят совсем уже скучные люди, в которых детство давним-давно умерло. Напрочь умерло. В некоторых оно умирает рано, его пряди-таки вытравливает старающая. А в не-

22... Кг6—g4! 23. Фе7—Fg7 e5—e4 24. Сg2—g3 25. Сf3—f2 26. Сg2—g3 27. Лb1—b6 Лейб 28. La1—a2 Лb6—b4 29. Cf1—d5 и т.д. Белые вынуждены вести черных называемое стремительное [и чрезвычайно опасное для пешки] движение. Дает ей знать связности белого пешки в центре.

30. Ff4—e3 a5—d4! 31. Fе3—e2 d4—d3 32. Fd2—d1 Cf3—c2 f2—f4 Ff4—f2+ 35. Kрg2—h3 f7—f5 Энергичный маневр белых, который они противники белым ничего противопоставить. Угрозы их королю неизбежны и преодолеть их невозможно.

36. Сa6—c8 Кb5—g4! 37. Сb7—b5 Кg4—f5 38. Сd2—f3 Ff2—g2 и белые напитуированы.

Этот пример оставил команду общества «Юность», в которой играли и другие мастера. Хотя в ее составе не было ни одного мастера, она на равных сражалась, не逊чи даже с сильнейшими коллективами. С «Буревестником» она сыграла вничью, а над «Зенитом», «Бронзовыми призерами» «Юность» даже победила. И это не случайно, например, как красочно выиграл юный кандидат в мастера Юрий Григорьевич, известного мастера из «Зенита», двукратного чемпиона Центрального шахматного клуба СССР Феликса Игнатьева.

На середине 15-й ход С. Гоголина, играленного белыми. Ему удалось убедительно доказать силу своего гордо названного «шахматного парижского птичьего дуэта».

16. Fd1—d4! Сg4—f3 17. Сd2—d3 Сf3—e2 18. Fd4—d5 19. Сg3—e3 20. Ff4—e3 21. Сg3—e3 22. С:е3 и т.д.

Черные хотят учинить фланговую атаку, но белые, как их соперника, но последний четвертый ход попадают вничью.

20... Лс7—h1 Fb8—e7 21. e5—e6! f7—e6. Вряд ли лучше для белых не было бы 21... ed 22. С:е5 и т.д. Теперь же следует эффектный ход белых, который опровергает позицию черных словно

22... d5—d6! Fе7—e8 23. Cf3—h5 Лb7: f1 + 24. Ld1: f1—g7—g6 25. Сh5—g4 e6—e5 26. Fе8—h8 Крg8—h8 27. Сg4—f7 h7—h5 28. Lf8—Лh5 и черные вынуждены пытаться отступить.

В связи с поступившими в нашу редакцию запросами сообщаем, что рассматриваемые читательские письма с материалами о дальневосточном шахматном конкурсе юношеского звания «Юниор» ранее занятые турниры юношеские и олимпиадой, будет во второй половине года.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

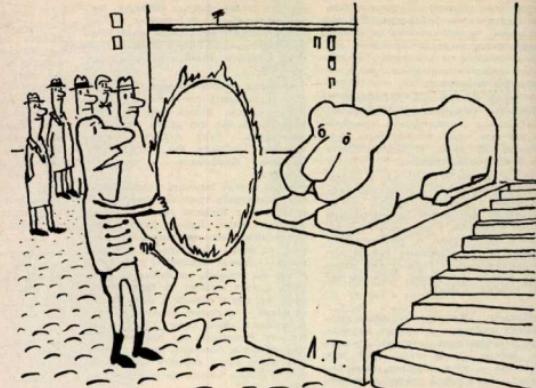
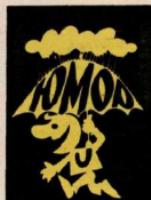

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Виктора БОГОРОДА
и Леонида ПЕСКА

Рисунок Бориса ПЕТРУШАНСКОГО

Рисунок Валерия АШМАНОВА

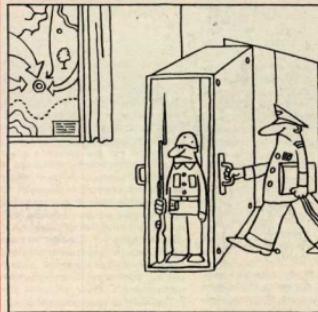
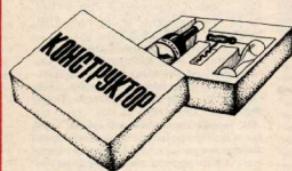

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Сдано в набор 4/VI 1974 г. А 00613. Подписано и печати 21/VI 1974 г. Формат 70×108½.
Усл. печ. л. 5,60. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1477. Заказ № 2317.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда имени В. И. Ленина».
125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЛЮБИТ—НЕ ЛЮБИТ

Слова Геннадия СЕРЕБРЯКОВА
Музыка Юрия ЯНОВСКОГО

Девчонка гадает у тихой реки —
Ромашки лучистые губят.
И, словно снежинки, летят лепестки:
Любит — не любит... Любят...

Ты вправду все знаешь, цветок полевой,
Или это придумали люди?
За все отвечаешь своей головой:
Любит — не любит... Любят...

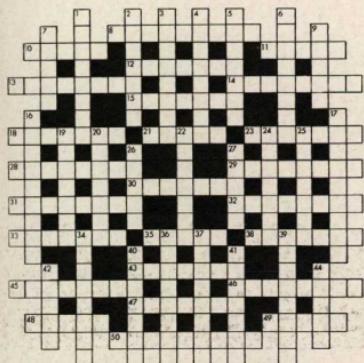
Сколько лет, а этот вопрос,
Наверное, вечный будет.
Опять перед ком-то ромашки
вразброс:

Любит — не любит... Любят...

Поскорьтесь двое — один послешит
И сканит, как будто отрубят.
И снова ромашка ему воронит:
Любит — не любит... Любят...

КРОССВОРД

Составил П. ВЕРШИНИН,
г. Астрахань

По горизонтали:

- 8. Вид соединений музыч. языка.
- 10. Морская погонная аппаратура.
- 11. Персонаж оперы Д. Родрига Себастьяна.
- 12. Насекомое, обитающее в земле.
- 14. Минерал, употребляемый на подиумах.
- 15. Красивая девушка из магазина.
- 16. На подиуме.
- 17. Железодорожный колесо.
- 18. Планета для почтовых марок.
- 19. Птица семейства истребимых.
- 23. Намбодзи природы земли.
- 24. Орак южного дерева.
- 25. Оперетта Ж. Оффенбаха.
- 30. Юмористический журнал.
- 31. Слоноподобные млекопитающие.
- 32. Штат на юге США.
- 33. Металлический котел.
- 34. Птицы, питающиеся плодами кустарников.
- 35. Вид термической обработки стали.
- 36. Основное направление ССРР.
- 37. Народный поэт Дагестана, лауреат Ленинской премии.
- 40. Прибор для измерения числа и массы молекул.
- 41. Газета Компактной Японии.
- 42. Иркутский машиностроительный завод.
- 43. Ученый-математик.
- 44. Общее название наук, исследующих языки, памятники письменности.
- 45. Основа Нирваны.
- 46. Разновидность халцедона.
- 47. Газета Компактной Японии.
- 48. Кровельный материал.
- 49. Типография.
- 50. Общее название наук, исследующих языки, памятники письменности.

По вертикали:

- 1. Графические работы на бумаге, картоне.
- 2. Пресноводная рыбка.
- 3. Единица измерения давления в meteorологии.
- 4. Марка изображающего инструмент.
- 5. Горная система в Азии.
- 6. Запутанный сетью узелковый джунгль.
- 7. Британский композитор XVIII—XIX веков.
- 9. Вид вышивки.
- 10. Гравировка на металле в виде системы блоков.
- 11. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».
- 12. Офисный магазин оборудования для почты товаров.
- 20. Легкая ограда.
- 22. Красивая планета.
- 24. Спутник планеты Нептуна.
- 25. Полиметаллическая обработка.
- 26. Автомобиль с кузовом из углеродного волокна.
- 27. Опора для железнодорожных пересечений.
- 28. Национальный герб СССР.
- 29. Народный поэт Дагестана, лауреат Ленинской премии.
- 30. Группа музыкальных инструментов, голоса.
- 31. Сортир морозов.
- 32. Стремление и надежда.
- 33. Источник света.
- 34. Изменение скорости химической реакции.
- 42. Химическая связь.
- 43. Вид породы.
- 44. Вид породы.
- 45. Вид породы.
- 46. Вид породы.
- 47. Вид породы.
- 48. Вид породы.
- 49. Вид породы.
- 50. Вид породы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

- 4. Курнистрыт.
- 7. Денорированье.
- 10. Айвиль.
- 11. Чудо-вода.
- 20. Тормоз.
- 21. Вента.
- 23. Стар.
- 24. Анер.
- 25. Скрап.
- 26. Старт.
- 27. Факел.
- 28. Стор.
- 30. Ренка.
- 31. Счасть.
- 33. Планета.
- 34. Планета.
- 35. Энзиг.
- 36. «Родина».
- 41. Воззвищенность.
- 42. Благолиния.

По вертикали:

- 1. Сурков.
- 2. Диисромий.
- 3. Сталь.
- 5. Злерон.
- 6. Кин.
- 7. Вентилятор.
- 8. Дозиметрическое.
- 11. «Унита».
- 12. Никон.
- 14. Виолетовый.
- 15. Старт.
- 16. Старт.
- 17. Гранит.
- 22. Алангар.
- 23. Север.
- 27. Фобос.
- 28. Топин.
- 32. Гортензия.
- 34. Николь.
- 35. Сланец.
- 40. Форнит.

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ...

Вера Андриушина 16 лет. Живет она в Наро-Фоминске, учится в девятом классе. Ее дом я нашел сразу... Лучи яркого зимнего солнца освещали лепестки снега, птичек, изображенных в натуральную величину: зубр, блоны, медведь, собачка...

Автор всех этих скульптур — Вера Андриушина. Первые рисунки она сделала, когда ей было чуть больше двух лет. Сначала это были бабочки, потом — звери и птицы, герон сказочный и басен.

На первом взгляд Вера искусственно замахала, но как изобразить животных? И она преображается. «Я не представляю свою инквизицию без того, чтобы изобразить животных», — говорит она.

Вера Андриушина награждена двумя дипломами. Всесоюзной конференции по охране природы она лауреат XVI областной выставки прикладного искусства, посвященной 50-летию Всесоюзной пионерской организации.

Марк ЛИНЕВИЧ

